

К 53.

Ф. Кнорре

ОС

Р32839

ВСТРЕЧА

В ТЕМНОТЕ

искусство

Ф. БНОРРЕ

ВСТРЕЧА В ТЕМНОТЕ

*ПЬЕСА В ЧЕТЫРЕХ ДЕЙСТВИЯХ,
СЕМИ КАРТИНАХ*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ИСКУССТВО“
Москва 1944 Ленинград

Редактор М. Горячкина

Л67016. Подписано к печати 30/VI
1944 г. „Искусство“ № 2789. Печ. л. 4.
Уч.-изд. л. 3,76. В 1 п. л. 37.600 зн.
Тираж 3.000.
Цена 4 р. 50 к.

Тип. „Красный печатник“ Гос. изд-ва
„Искусство“, Москва, ул. 25 Октября,
дом 5. Зак. 779

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

В а р я — учительница-практикантка, 18 лет.

Х р и с т о ф о р о в — сержант, 27 лет

В я т к и н — 25 лет

Ш у л ь г а Сергей Иванович — 45 лет

С а н н и к о в — 30 лет

А р т а м к и н — завхоз школы, 40 лет.

У л ь я н а — его мать, 60 лет.

А с я — сестра Вари, 14 лет.

А р с е н и й — священник, 70 лет.

В е с е л о в с к и й — пенсионер, 65 лет.

С е р е ж а — школьник, 13 лет.

Б а л ь ц Г у г о — офицер

Е ф р е й т о р

Д о к т о р.

Ж е н щ и н а.

Т о ч и л ь щ и к.

С е р ж а н т Красной Армии.

С а н и т а р.

Красноармейцы, немецкие солдаты.

Действие происходит в небольшом русском городке, временно оккупированном немцами.

} раненые
красноармейцы.

} немцы-оккупанты.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Просторная прихожая начальной школы в небольшом городе.

Над внутренней дверью надпись «Учительская». На стенах детские рисунки и школьный плакат «Морское дно», где стаи разноцветных рыб проплывают среди алых ветвистых кораллов.

Видны следы беспорядка, какой бывает при спешном отъезде.

Несколько мешков, ящиков и разный школьный инвентарь сложены в кучу у входной двери.

Из учительской выходит Варя, учительница-практикантка, дежурная по зданию школы, из которой уже увезли детей.

В обеих руках у нее по микроскопу, подмышкой сверток. Все это она складывает в общую кучу у двери. Окна затряслись от взрыва фугасной бомбы. Варя тихонько вскрикнула и замерла, тревожно вглядываясь в занавешенное окно. Потом быстро пошла за новой партией вещей в учительскую.

Телефон зазвонил в тот момент, когда она с полными руками появилась снова на пороге. Чуть не разроняв вещи, Варя бросилась к телефону.

Варя. Ну да, ну да... Ну, конечно же, сижу, как дура, как же я имущество брошу, если вы меня как раз сегодня назначили дежурить! Безобразие, честное слово! В такой момент не могли мужчину назначить. Тут все вверх дном. У меня и так один микроскоп по списку пропал, кто за него отвечать будет? Никак не разыщу, или этот обалдуй Артамкин его... Что?.. Я говорю, головотяп Артамкин его, наверное, не в тот ящик упаковал... Товарищ Оленников!.. Леонид Витальевич! Я не ребенок, ну что вы мне будете рассказывать! Он удрал, и носа его я тут не увижу. Я голову даю на отсечение, что он сейчас, самое меньшее, за сто километров от города на дороге пыль столбом, поднимает... Ну что можно ожидать от него,— он же жулик, он же всю жизнь ребятам чернила водой разбавляет, он... (Обернувшись к двери, опустила трубку.)

Вошел Артамкин — цветущий, упитанный мужчина, заведующий хозяйством школы.

(Снова поднесла трубку к уху.) Нет, я не молчу. Просто как раз Артамкин пришел... Ну? Вы с грузовиком, наконец?

Артамкин (спокойно). Грузовик будет.

Варя. Вот, слышали? Грузовик «будет» Опять «будет»? Вы просто смеетесь надо

мною, честное слово! Когда он будет? Почему это все уезжают, чуть ли не все уехали, никто не дежурный, а я одна за всех дежурная почему-то?

Артамкин. Это кто, директор? Оленников? Дайте мне. Леонид Витальевич? Это Артамкин говорит. Все будет в порядке. Договорился на трехтонку. Погрузим и прямо выедем по Демьяновскому шоссе, поскольку оно объявлено для эвакуации гражданского населения... Ни одного винтика и не бросим. Полный порядок.

Варя. У вас всегда полный порядок, а дело ни с места.

Артамкин. Ничего, будет полный порядок. Вы матери моей не видели? Не заходила сюда?

Варя. Заходила. Она, по-моему, и не собирается с места двигаться.

Артамкин. Нет? Вот какая легкомысленная старуха! (Приоткрыв дверь черного хода, крикнул во двор.) Эй, Ульяна Ивановна!

Накидывая на ходу темный платок, вошла высокая костлявая старуха с несчастным и черствым лицом —
Ульяна Артамкина.

Где же ты, мамаша, пропадаешь? Кругом такие события, а ты у себя на квартире сидишь?

Ульяна. Конечно, на квартире. Не на сеновал мне лезть от событий. А ты все тут, милая, хлопочешь? Ишь ты какая... добросовестная.

Арташкин. Я вас попрошу, мамаша, вы дойдите до Галдынина Захара Ильича, что в Проточном, знаете?

Ульяна. Раньше тебя Захара знаю. Ну, так что Захару-то?

Арташкин. Ничего. Поклон передайте. Скажите: кланяется. Пускай приходит, как может поскорей.

Ульяна. Куда приходит?

Арташкин. Только передайте. Он знает. Вы переулками идите, а то тут стрельба. Слышите?

Ульяна. Небось, слышу.

Варя. Здравствуйте, теперь какого-то Балдынина вашего будем дожидаться. Ну вас совсем! Вы — завхоз, я вам имущество оставлю, а сама уйду, честное слово..

Арташкин. Нет, я не принимаю, не имеете права. Надо вам дождаться грузовика.

Варя. А если его вовсе не будет?

Арташкин. Как это может быть? Все будет. Больше выдержки. Будьте наготове.

Арташкин и Ульяна уходят.

Новый взрыв за окном. Оставшись одна, Варя в томлении ходит взад и вперед по комнате. То принимается

проверить по списку вещи, то вдруг начинает составлять цветы с окон на пол, к двери, и тут же, махнув рукой, бросает, поняв бесполезность этого занятия. За окном тревожно гудит и бухает.

Вбежала ее младшая сестра Ася. Она ворвалась в комнату запыхавшись, в расстегнутом пальто, из-под которого видно нарядное платье.

Ася. Мы все так и знали, что ты сумасшедшая! Ну, что ты тут сидишь?

Варя. Я же дежурю. Видишь имущество?

Ася. Какие могут быть сейчас дежурства! Весь город уходит. Немцы в Горелой слободе, а у тебя дежурства.

Варя (испуганно). Да что ты? Неужели в слободе? Что делать? А мне нужно этого проклятого грузовика дожидаться.

Ася. Быстро одевайся, бежим домой. Дядя Яша из колхоза приехал на парной повозке, она во дворе у нас стоит. Уже вещи укладывают, и мы поедем к дяде Яше по Демьяновскому шоссе: там совершенно спокойно.

Варя. А мне место есть в повозке?

Ася. Ты еще спрашиваешь? Мы даже старуху Силовну с собой берем. Противная старуха, а что ж ей пропадать, что ли?

Варя. А патефон положили?

Ася. Взяли. Только пластинок мама не позволила. Они очень тяжелые.

Варя. И «Испанскую серенаду» не взяли? Ладно, тогда ты ее разбей. Слышишь? Просто возьми об пол разбей. Они наш дом захватят да еще будут сидеть и нашу самую любимую серенаду слушать! Я этого не желаю. Сделаешь?

Ася. Говорю же, да.

Варя. Нет, серьезное, честное слово дашь?

Ася. Даю серьезное, честное слово. Я ж понимаю... Да чего же ты стоишь? Ведь нас ждут.

Варя. Нет, я думаю, все-таки мне нельзя идти. Я должна дождаться. Вы меня не ждите. Беги, Асенька, скорей и уезжайте с мамой. Я уж сама как-нибудь выберусь.

Ася. Тогда я с тобой останусь.

Варя. А мама? Беги живо! Мало ли что может случиться...

Ася стоит в нерешительности, потом порывисто бросается в объятия Вари и начинает всхлипывать, целуя и глядя ее по лицу.

Ася. Варыка, дуреха... Золотая моя Варенька, как же мы без тебя поедем, а ты неизвестно когда и как.. и куда.. Может быть, мы разъедемся и никогда в жизни больше не увидимся, может, мы сейчас вот, сию минуту на всю жизнь с тобой прощаемся... Помни, если

с тобой что-нибудь случится, мама умрет... и я еще раньше даже...

Варя (изо всех сил сдерживаясь и все-таки тоже начиная всхлипывать, бодро похлопывает сестру по спине). Ну, что ты, старушка, расхныкалась? Да я, может быть, перегоню вашу жалкую телегу через какие-нибудь полчаса на лихом грузовике.

Ася (безутешно). Не перегонишь!

Варя. Ну, ну, не хныкать... Мы еще поживем. Мы еще погуляем, обнявшись с тобой, ранним утром, по росистой траве...

Ася (с новым приливом отчаяния). Ты все только выдумываешь!

Варя (изо всех сил борясь со слезами). Помнишь, мы читали «по росистой траве» и придумали, что это такая особая трава «поросистая», потому что по ней много поросят бегают... Помнишь?

Ася (смеясь и плача). Зачем ты меня нарочно рассмеиваешь, как дурочку?.. Ой, Варька, ты совсем, совсем сумасшедшая. Ну как можно в такую минуту шутить? Обними меня!..

Варя. Я же все время обнимаю.

Ася. Seriously обними, а не как дурочку.

Варя (обняла и поцеловала сестру). Беги, Асенька, быстро, ничего не бойся. По-

целуй маму. Скажи: все это пройдет. А с тобой мы еще придумаем что-нибудь повеселей тех поросят. Беги, моя девочка!

Ася (отчаянно-крепко обняла сестру с горестным возгласом). Ох, Варька!..

Выбежала, не оглядываясь, из комнаты на улицу. Дверь приоткрылась, и в комнату заглянул белобры-
сый мальчик Сережа.

Варя. Сережа, ты еще здесь?

Сережа. А я так и останусь... Учебники я зарыл, где вы велели, за сараем. Если недолго полежат, так и отсыреть не успеют.

Варя. Недолго, конечно, а, может быть, мы их и зря зарыли. Завтра обратно придется тащить.

Сережа. Ну и вытащим. Эко дело...

Варя. А ты, значит, остаешься?

Сережа. А как же, у меня ведь дед Касьяныч на руках. Он, как маленький. Кроме меня, за ним смотреть некому. Страшно вам?

Варя. Ух, как страшно! Не знаю, как ты не боишься оставаться! Я бы ни за что не согласилась, честное слово... Беги, спрячься куда-нибудь.

Сережа. До свиданья в более счастливый день. (Ушел.)

Варя снова осталась одна. Тревожный гул за окнами делается все явственней. Вдруг зазвонил телефон.

Варя (сорвала трубку, от спешки чуть не выронив ее из рук). Алло... Ну я, конечно, я.. Это вы, товарищ Олеников? Конечно, нету ни Артамкина, ни грузовика... Что вы говорите, значит, официально? Значит, дежурство мое кончено? Конечно, готова. Я через минуту отсюда вылечу... Я бегом добегу в пять минут, успею, не бойтесь. Ну, словом, я несусь. Наконец-то! Прямо как камень с шеи. (На ходу надевая пальто, бросилась к двери, распахнула и отшатнулась, увидя в дверях санитаря, поддерживающего раненого. Растерянно.) Вам кого?

Санитар. Вы здешняя? Здесь живете? Нашу машину разбило. Мне раненых тут пока придется устроить, а сам я схожу за другой машиной. (Усадил раненого бойца Санникова.)

Тот что-то невнятно пробормотал.

Водички найдется у вас? Девушка, вы уж напоите его, пока я другого приведу. (Через минуту он привел и усадил на пол, прислонив к мешку, другого раненого, пожилого Шульгу. Видя, что Варя возвращается с ковшиком воды.) Напоите? Вот хорошо! Слушайте, де-

вушка! За ними надо присмотреть, пока я до машины добегу. Минуточек десяток вы с ними не посидите тут?

Варя. Да, да, конечно, что за разговор может быть! Десять минут? Я думаю, я еще успею. Я побуду, вы идите... Только, голубчик, поскорее, если можно... (Напоила Санникова, подошла с кружкой к Шульге.)

Тот отрицательно покачал головой.

Пейте, почему вы не пьете? Ну, как хотите... Я думала, может быть, вам от этого лучше станет. Может быть, я вам могу что-нибудь сделать? Только я ничего не умею. Но я постараюсь, а?

Шульга (усмехнулся). Ладно, мы так положим. Ничего не требуется.

Варя (нетерпеливо прошлась по комнате, бросив взгляд на часы). У вас, значит, машина испортилась?

Шульга. Ага... Немножко есть. Передние колеса отшибло вместе с радиатором.

Варя. Да что вы говорите? Вот ужас какой!.. Куда же он теперь пошел за машиной?

Шульга. Где найдет.

Варя. Вы на самом фронте были? Фу, что

я глупости спрашиваю! Конечно, я понимаю, что на фронте, раз вас ранили. Я хотела спросить, как там идут дела? Тяжело?

Шульга. Напирает, конечно.

Варя. Тут болтали, что они чуть ли не в Горелой слободе...

Шульга. Из Горелой слободы мы последними уходили.

Варя. И из города наши будут уходить?

Шульга. Не знаю, как приказ будет. Городок, кажется, в самой котловине. Тут все от флангов зависит: если фланги назад не подались, так мы ничем не уйдем. А если фланги... тогда, конечно, мы котловину очистим.

Варя. Десять минут прошло, как вы думаете?

Шульга. Больше прошло. А вы из-за нас тут не сидите. Идите себе, куда собрались. Вас, наверное, эвакуируют?

Варя. Да сейчас, наверное, уж весь город пустой. Все ушли.

Шульга. И вам надо, а вот вы одевшись стоите, из-за нас задерживаетесь. Идите спокойно. Он нас не бросит.

Варя. Кто? Этот санитар?

Шульга. Санинструктор. Алексеев его фамилия. Знаете, сколько он вытащил раненых с

поля боя? Семьдесят два человека. А чтобы оставить, так этого с ним не случилось ни разу.

Варя. Подумайте, вот молодец какой!

Шульга. Ну, отправляйтесь, вам, гражданским, тут в городе нечего больше делать.

Варя (нерешительно). А вдруг я уйду, а вам что-нибудь понадобится?

Шульга. Вам же объясняют: кому вы тут нужны, раз с нами Алексеев есть? Вы какая-то упрямая, даже зря.

Варя. Понимаете, я все-таки ему обещала подождать. Нехорошо..

Шульга (с досадой). Как хотите! Это уж ваше пустое упрямство, без смысла.

Варя. Надо что-то делать... Нельзя так оставаться... Что же он не идет? Что за мучение, право... Я попробую кого-нибудь позвать. (Опасливо приоткрыв дверь, она вышла на крыльцо, и оттуда сейчас же донесся ее испуганный возглас.)

Шульга. Что там такое?

Варя (входит растерянно). Боже мой. Алексеев... Это ваш Алексеев... Он тут лежит на крыльце, на самых ступеньках. Мертвый...

Шульга. Убитый?

Варя. Да. Что делать, товарищи? Я же не знаю! Я даже никогда в жизни еще покойника не видела.. О, тут еще один лежит!

Быстро вышла на крыльцо. Там слышна возня, тяжелые, неровные шаги. Варя ведет раненого бойца
Вяткина.

Вяткин. Куда ты меня тащишь? А? (Тяжело опустился на пол у стены.) Слушай-ка, девица, беги скорей, там мой пистолет остался, обронил... Вот спасибо! Патронов восемнадцать штук есть. Живем.

Шульга. Санитара убило?

Вяткин. Да вот тут, у самого крыльца.

Шульга. Бомбой?

Вяткин. Зачем бомбой, когда по улице по чем зря из автоматов чешут.

Шульга. Значит, они близко? То есть прямо тут?

Вяткин. Фрицы? А где ж им быть? Так и ломаются, белоглазые. Тут у кого-нибудь оружие есть? Досадно, а то мы бы им задали работы... Девушка, ты дверь-то все-таки запри на все запоры, покрепче для порядку. Зачем только ты тут, девушка, оказалась? Тебе бы уйти отсюда поживей да подальше. По улице, конечно, уже нельзя путешествовать, а...

Ш-ш-ш, молчите все, тихо. Надо слушать, что там...

Все замерли, прислушиваясь. Выстрелы и крики все ближе.

Шульга. Вот это на наш походит по звуку.

Вяткин. Нет, не похоже. Хотя...

Варя. Слушайте, что это? Этого не может быть! Неужели это...

Вдруг из общего шума ясно вырвался немецкий командный возглас, прозвучавший совсем близко. Варя охнула, отшатнулась.

Вяткин. Ну, все. Только что познакомившись, приходится сказать: прощайте, дорогие товарищи, прощай, милая девушка! Беги на черный ход. У вас подвал в доме есть?

Варя. Нет.

Вяткин. Ну, хоть чердак хороший, просторный с закоулками?

Варя. Во дворе, над квартирой завхоза Артамкина хороший чердак.

Вяткин. Вот ты туда и беги скорей. Живо!

Варя. Я? Нет, уж теперь всё равно. Поздно...

Шульга. До чего же скверно пропадать пришлось! Безо всякого оружия и в такой тяжелый момент...

Что-то тяжелое с силой толкнулось снаружи в дверь.

Вот...

За окнами новый взрыв криков и стрельба. В томительном ожидании все не отрывают глаз от двери. Стук не повторяется. Среди нестройного шума выдвинулся новый, настойчиво повторенный звук. Вдруг все поняли, что это кричат «ура».

Варя. Я ничего не понимаю, кто это кричит? Объясните мне! Разве это немцы?

Вяткин (крикнул). погоди, дай слушать! Мать честная! Деточки, ребятушки, да никак гонят! Ох, погналы, наша контратака пошла, идет-идет, умереть на этом месте!..

Со звоном и треском рухнула внутрь комнаты оконная рама. В пролете окна на одно мгновение силуэтом обрисовалась фигура бойца в каске и с автоматом. Тут же он спрыгнул в комнату и, хрустя по стеклам, выбежал на середину. У него до черноты опаленное лицо, и видно, что он с трудом остановился с разгону.

Это сержант Христофоров.

Христофоров (быстро оглядываясь). Свои?

Вяткин (восторженно заорал). Я же говорил!

Варя. Наши! Товарищи! Ох, как мы испугались! (Не помня себя от радости, бросилась, обхватила сержанта за шею и три раза, без памяти, без разбора поцеловала его в щеку, в нос, в губы. Минуту она еще держит его за шею, и они смотрят друг другу в

лицо, потом с глубоким вздохом облегчения роняет руки и без сил прислоняется к стене.)

Христофоров (смущенно). Где у вас тут окно на площадь?

Варя. На площадь? Я вам покажу.

Быстро пошла вперед, показывая ему дорогу в учительскую, и тотчас вернулась оттуда одна. Из учительской доносится звон разбитого стекла и треск автомата. Потом наступает тишина.

Шульга. Между прочим, по моей примете это скорей всего частная контрактака. Чересчур веселиться нам не приходится. Мы так, бывало, тоже прикрывали отход.

Вяткин (приподнявшись, стараясь заглянуть в самый угол учительской). Ух, наш сержант через всю площадь хлещет! Все пусто, как под метелку подмел. Ни души не стало. Даже притихли. С духом собираются.

В этот момент, пятась спиной, в двери показался и остановился сержант Христофоров. Он, не отрываясь, смотрит в комнату, из которой вышел, очевидно продолжая через окно наблюдать за площадью.

Христофоров. Слушайте... Поглядите! Быстренько можете перевязать? (Не глядя, протянул назад левую руку, про-

должая держать в правой подмышкой автомат.)

Варя взяла его руку и с треском разорвала рукав гимнастерки.

Эй, разве нельзя было без гимнастерки?

Варя. Никак нельзя.

Христофоров. Ладно, только живо-живо. Они сейчас опять полезут.

Варя (перевязывая). Что ж вы только один?

Христофоров. А сюда больше и не требуется. Сколько надо, я и один продержусь.

Варя. А потом вы будете отступать?

Христофоров. Нет, я лично отступать не буду. Я тут решил остаться. Место для фрицев очень вредное. Вся площадь под моим контролем. А вообще дело ясное. Мы прикрываем отход. Ваших раненых обязательно увести бы надо куда-нибудь. Некуда?

Варя. Я попробую. Сейчас затаю вот тут. Не больно?

Христофоров. Нет, поскорей только и потуже, чтоб не болталось. (Искоса кинул на нее взгляд.) Глядите, вы об меня измазались...

Варя (продолжая перевязывать, потерлась щекой о плечо). Я на вас

набросилась с поцелуями, вы, наверное, подумали: вот дура ненормальная, да?

Христофоров. Зачем же? Я ведь понимаю, что это вы не меня лично поцеловали.

Варя. Ну, все-таки... и вам лично попало тоже. Мы все очень обрадовались.

Христофоров почти вырвал у нее руку, внезапно бросившись обратно в комнату и крикнув: «Раненых!» Из комнаты, куда он вбежал, почти тотчас донесся снова звук стреляющего автомата.

Варя с трудом подняла на ноги лежащего Санникова при помощи Вяткина, который сам едва держится на ногах. Шаг за шагом они добираются до двери черного хода и скрываются за ней. В дверях Варя оборачивается к оставшемуся Шульге.

Я вернусь за вами.

За окнами частая стрельба, крики. Через некоторое время снова быстро вошла Варя и, тяжело дыша от усталости, подхватила поднявшегося ей навстречу Шульгу, медленно повела его к двери.

В это же время в дверях учительской снова появляется, отступая, сержант Христофоров. Тяжело хромя, он остановился в двери, с силой облокотившись о косяк, чтобы не упасть. В руках у него только одна граната.

Христофоров (быстро, хрипло). Раненые все еще тут?.. Куда ты их?

Варя. Я на чердак их попробую спрятать.

Христофоров. Беги скорей! Я тут постою. Автомат, черти, разбили... Одна граната осталась. Тащи скорей!

Варя (наполовину ведет, наполовину тащит раненого Шульгу, в дверях на минуту оборачивается). Я вернусь за вами.

Христофоров. Уходи скорей... А если услышишь, что тут ударила моя граната, ни за что не смей сюда возвращаться. Пока фрицы не влезут, я не брошу. Поняла?

За окнами на мгновение вдруг наступила полная тишина и с необычайной ясностью стало слышно, как под самым окном закашлялся, тяжело дыша, человек и тотчас два голоса сердито, но спокойно заговорили по-немецки.

(Стиснув зубы, замахнулся гранатой, подавшись всем телом вперед. Не оборачиваясь, прошептал.) Уходи!

Варя (тоже шопотом). Я все равно вернусь... (Скрылась за дверь.)

Христофоров застыв стоит, с ожесточением замахнулся гранатой для броска.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Прошло несколько дней. Просторный запущенный чердак. Над головой покатая железная крыша, стропила. Слуховое окно заколочено досками, и свет проходит только через щели.

В дальнем от входа углу, среди балок, на полу устроена подстилка из соломы. На ней лежат четверо раненых бойцов. Это Шульга, Вяткин, тяжело раненный Санников и сержант Христофоров. Они по очереди «дежурят» с единственным имеющимся у них пистолетом. Сейчас «дежурит» Вяткин. Он сидит на подстилке, прислонясь спиной к балке. На коленях у него лежит под рукой заряженный пистолет. Санников, который ранен тяжелее всех, лежит безучастно, неподвижно вытянувшись.

Христофоров — без сознания; начинает порывами по временам громко бредить.

Христофоров (вдруг громко заговорил в бреду). Чего ж ты мне пустой подаешь? На что он мне пустой? Сейчас пойдут, видишь? Руки бы высвободить... Ну вот опять! Что я тебе говорю, — он у тебя пустой, подавай живо, чорт, подавай..

Вяткин. Слушай, сержант... а, сержант, тише, тише же... Вот несчастье! Ну что с ним делать, прямо во весь голос кричит...

Шульга. Надо его унять, нето снизу обязательно какая-нибудь сволочь услышит. Я сейчас встану, попробую. Ему бы холодного на голову положить...

Вяткин. Как это ты встанешь?

Шульга. Как-нибудь надо.

Христофоров (выкрикнул). Вот он откуда, давай левее... видишь? А, чорт, не любишь? А еще не хочешь?.. На, окаянная сила!

Шульга (решительно). Нет, надо как-нибудь подняться. (Садится, борясь с головокружением. Берется за перекладину, делает попытку подняться на ноги и срывается.)

Вяткин. Ну вот, встал...

Шульга (сквозь зубы). И встану. Вот сейчас передохну полминутки и все равно встану.

Вяткин. Лежи уж! Гляди, тебя самого еще подбирать придется.

Шульга. Сейчас.

Вяткин. Тише.

Слышны шаги за дверью, скрип ступенек.

Идет кто-то. (Твердой рукой поднимает пистолет и наводит его на дверь.)

Оба напряженно смотрят. Даже Санников медленно повернул голову и смотрит на дверь, где загремел и два раза щелкнул висячий замок.

Санников (Вяткину). Смотри, нам по штуке на брата оставь, не очень увлекайся!

Дверь открылась, и вошла Варя с тазом, полным мокрого белья.

Вяткин (с невероятным облегчением опустил пистолет и радостно, улыбнулся). Ох, ты милая, ты наша...

Варя (войдя, быстро притворила за собой дверь, тревожно). Кто тут у вас разговаривает так громко? Опять он?.. С лестницы все слышно.

Шульга. Беда! Никак не уймешь! Окончательно вышел из сознания.

Варя. Сейчас. (Поставила таз на пол, вытащила из-под белья мокрую тряпку и опустилась на колени около Христофорова, лежащего немного поодаль от других.) Тише... тише... Ой, ради бога, потише, ну, голубчик, ну, только потише. (В отчаянии зажимает ему рот ладонью, гладит его по лицу и шелчет.) Ну, перестань хоть немного, ну, успокойся!.. Тут бинт, наверное, давит, сейчас я сниму. Вот так...

Христофоров (постепенно бормочет все тише и невнятной, потом замолкает и вдруг совсем другим голосом, слабым и ясным, но тоже все еще в бреду начинает звать). Мама... Мама, ну что за глупости! Мы купались с ре-

бятами, и я нечаянно на гвоздь и совершенно не больно, это только с виду так... Хорошо как, что у тебя руки прохладные... На лоб, еще на лоб, мама... Ты не сердись...

Вяткин (покачал головой, усмехаясь). Вот теперь вы — мама. А сынок годков на десяток, пожалуй, постарше мамы. Игра природы...

Варя (улыбнувшись, повернулась к Вяткину. Продолжает тихо поглаживать Христофорова по лицу и успокаивать, приговаривая ему, как маленькому). Ну да, да, хорошо, ну спи, засыпай теперь, милый... Ты не беспокойся ни о чем, закрой глаза и спи... и спи... (Когда он затих, она встала, поспешно вытащила из-под мокрого белья две бутылки с молоком.) Хлеба очень мало сегодня. а вот молока смотрите сколько! Это все бабка Степанида потихоньку таскает, спасибо ей. Вы пейте, скорее поправляйтесь. (Подошла к лежащим Вяткину и Шульге.)

Шульга (поманил ее поближе и показал глазами на Санникова). Санникову совершенно худо. Ну, совершенно! Мы боялись он без тебя накроется.

Варя (озабоченно подошла и на-

клонилась к Санникову). Ну, как вы сегодня, Саша? Получше?

Тот не отвечает.

Вяткин (встревоженно). Что ж он?.. Или?..

Варя (наклонилась ниже и тотчас выпрямилась). Заснул. Спит. Может быть, это хорошо?

Вяткин. Нет, все равно его дело... Мы уж знаем. Он и все время так-то спит. Немного проснется, пошарит глазами по потолку и опять заснет. Опять письма спрашивал.

Варя. Без памяти?

Вяткин. Нет, в сознании. Это ему вошло так в голову, что вдруг где-то на почте завалялось письмо еще до немцев и вдруг теперь отыщется и вы ему как-то это письмо достанете.

Варя. Ну, откуда же взяться письму?

Вяткин. А вот ему подай! Тянет это письмо его за душу и все... Скажите, а с фронта какие-нибудь слухи сюда доносятся?

Варя. Немцы разное вывешивают: вчера — то, сегодня — се. Для нас, конечно, все плохое. А сегодня утром я сама истребитель наш видела над городом, своими глазами. Среди бела дня. Точно с того света он мне показался. То есть, вернее, похоже, это мы с того

света смотрим, а он к нам из настоящей жизни залетел.

Вяткин. Это скорей радостно, что вы видели.

Варя. Да... Там — жизнь. Они там все — люди. А мы тут какие-то рабы.

Вяткин (угрюмо покосился на дверь и с ленивой угрозой). Но... рабы! А этого он не хочет? (И поиграл тяжелым пистолетом.)

Варя. Ах!.. А сколько у вас патронов?

Вяткин. Восемнадцать.

Варя. Восемнадцать, а дальше что?

Вяткин. Как что? То есть, если сюда сунутся? Четырнадцать ему, четыре нам, и мы отыгрались вчистую, а уж никак не рабы.

Варя. А если они неожиданно подберутся?

Шульга. Мы на то и дежури́м. Вот Вяткин сейчас сидит дежурный, разве не видно?

Варя. Ладно, вы пейте и ешьте как следует. А я вам повязку сменю... Не знаю, прямо, куда мне бинты девать. Всюду следят, нигде нельзя бросить. Сжечь, пожалуй...

Шульга. А что в городе творится?

Варя. На площади, около самой булочной, теперь у нас виселица стоит. Тут рядом почти. Там парнишка сейчас висит. Ресницы у него белые, лохматые, в муке. В булочной

работал. У них правило, чтоб трое суток висели. Потом объявление расклеили, чтоб жители не смели укрывать партизан.

Вяткин. И насчет раненых там тоже, конечно, упоминается?

Варя. Кажется, что-то есть.

Вяткин. Ну, конечно. А за укрывательство, что обещается?

Варя. Не знаю, я дочитывать не стала. Очень мне интересно!..

Вяткин. Смертная казнь?

Варя. Очень может быть. Они меньше редко грозятся.

Вяткин. Может быть, это нас и ищут, между прочим. Тогда и вы сами пропадете с нами за компанию.

Варя. Э-э, подумаешь! Почему это именно вас? Вы думаете, я да вы, одни мы тут на весь город? Хватит без вас ещё.

Христофоров заворочался, вздохнул, все к нему обернулся.

Христофоров (хрипло, в полусознании). Поди ко мне!

Варя подошла и опустилась около него на колени.

Зачем ты уходишь? Ты не уходи...

Варя. Я тут, я тут... Ты не беспокойся. Спи.. Узнаешь меня? Что ж ты глаза раскрыл, смотришь, а молчишь.. Не узнаешь?

Христофоров еще помолчал, потом медленно поднял руку, дотронулся до ее руки, и постепенно его лицо прояснилось. Теперь, когда он приходит в сознание, она начинает разговаривать с ним на «вы».

Что ж вы улыбаетесь, а молчите?

Христофоров. Я думал, ты мне снишься... Вот я и молчу, спугнуть боюсь... Ты, значит, вправду тут? Пришла? Или ты не уходила?

Варя. Как же не уходила! Я, как всегда, целый день работала у них, там внизу. А вы меня теперь-то узнали?

Христофоров. Ну, понятно, узнал. Варя! Вы — Варя. Что это я вам, кажется, на «ты» стал говорить... Почему вы спрашиваете? Опять я болтал что-нибудь?

Вяткин. Да уж коли болтал бы, так ничего, а то просто разбушевался. Прямо хоть подушкой рот тебе затыкай, только подушки нет.

Христофоров (с мущенно). Ну, что ты сделаешь! Ничего не помню. Совсем ничего. Неужели правда? Вы бы меня одернули.

Вяткин. Вот их спроси. И маме даже объяснял, что ты, дескать, на гвоздь напоролся.

Христофоров. Неужели? Вот какая чепуха бывает. Не знаю, как с этим бороться. Лежу

и долблю себе: «Молчи, молчи», а потом все начинает запутываться, и вдруг мне кажется, что, вот когда я лежу и молчу, мое молчание всем слышно, и надо скорей, как можно больше говорить,— тогда никто не услышит... А дальше ничего не помню. Неужели я матери насчет гвоздя объяснял?

Вяткин. Ну да, что не беда, мол, заживет, не пугайся, и все в таком роде.

Христофоров. Просто смешно, ведь это лет пятнадцать тому назад было. (Дотронулся до головы и нащупал мокрую тряпку.) Это вы положили? Вот вам возни-то... Надоели мы вам, наверное...

Вяткин (иронически). Он у нас вежливый. Это он вам извиняется за беспокойство.

Санников застонал, и Варя сейчас же перешла к нему.

Варя (тихо). Молока выпьете? Воды? Сейчас. (Прямо из таза с чистым бельем отлила в консервную банку воды и подала. Тихо переспросила.) Что вы?

Санников (совсем бессильным голосом). Письмо...

Варя, закусив губу, оглянулась с таким видом, будто спрашивая, что делать, и посмотрела на Вяткина. Тот беспомощно пожал плечами и покачал головой.

(Громче.) Письма, говорю, не нашлось?

Варя (молчит некоторое время, потом опускает руку в карман, вынимает старую почтовую открытку, стоит минуту в нерешительности и вдруг разом решается). Нашлось.

Санников. О!.. Нашла? Дай!

Варя с опаской, глядя испытующе в лицо лежащему, протягивает открытку.

(Взял, осторожно потрогал открытку плохо слушающимися пальцами и уронил ее на пол.)

Варя снова подала ему.

Это открытка. Она всегда открытки пишет...
Ничего не вижу, почитай!

Все, напряженно приподнявшись, следят за происходящим. Только сам Санников лежит неподвижно на спине с закрытыми глазами и улыбается.

Откуда помечено? Из какого города?

Варя (уверенно). Сейчас. Из Ярославля, ведь вы же ярославский?

Санников. Ну, конечно, из Ярославля, а подпись? Лена?

Варя. Да, Лена.

Санников удовлетворенно кивнул и замолчал, приготовившись слушать.

(Небрежно). Кто это Лена, что вам пишет, жена, наверное?

Санников (нетерпеливо). Что? Ну да это... да вы читайте, читайте! Только помалу, а то я собьюсь слушать.

Варя (читает). «Здравствуй, дорогой мой Сашенька... Я пишу...»

Санников. Постой... Ты немного прочти и помолчи. Я подумаю, а то не успеваю. Как там, говоришь?

Варя. «Здравствуй, дорогой мой Сашенька... Я пишу тебе очень часто, а от тебя почему-то давно ничего не получала. С гордостью прочитала в газете, что твое гвардейское соединение под командованием товарища Апахалова сильно отличилось».

Санников (с торжеством). Вот, слышали?..

Вяткин (с непоколебимым убеждением). Ну, так ведь это гвардейская, товарища Апахалова!

Варя (некоторое время в нерешительности молчит, пережидая, потом совсем другим тоном, почти по складам, медленно продолжает). «Я тебя всегда буду ждать. Твое место около меня никто никогда не займет, ты это знай...»

Вяткин (нарочно для Санникова, с чувством). Хорошо до чего она пишет!.. Ну, жена у тебя, брат...

Варя (еще немного переждала). Я...

Санников. Нет, постой, я еще об этом немного подумаю, а уж тогда ты дальше. (Немного погодя делает знак продолжать.)

Варя. «Я каждое слово помню, что ты мне говорил, и помню, как мы с тобой гуляли и смотрели...» Тут разобрать очень трудно, вода попала, наверное... на звезды, что ли?.. Или?..

Санников (нетерпеливо). Ну да, на звезды, правильно, конечно...

Варя. «...смотрели на звезды...»

Санников. Еще постой. (Шепчет, улыбаясь, будто запоминая, довольно долго.) Ну?

Варя. «Не забывай и ты меня, как я не забуду тебя никогда и всю жизнь буду тебе благодарна за эти счастливые годы, которые мы прожили вместе».

Санников (с удивлением). За эти годы?

Варя (увлеклась). Да, за все годы... «Дома все благополучно...» И это все. «Твоя Лена».

Санников. Хорошо, дай мне! Теперь я отдохну немного. (Взял открытку, положил ее себе на грудь и лежит неподвижно; только пальцы его потихоньку перебирают мятый квадратик бумаги.)

Вяткин, напряженно, с беспокойством следивший, как и другие, за чтением, облегченно вздохнул. Варя подошла к Христофорову, который подозвал ее рукой.

Христофоров (спокойно, почти угрюмо). Вы — самая хорошая девушка, какая только есть.

Варя (усмехнувшись). Где, например? Тут на чердаке?

Христофоров (так же). Во всем мире.

Варя. Сказали бы хоть в городе. Все-таки поменьше.

Христофоров. И в городе.

Варя. Может, на всей нашей улице?

Христофоров. Можете шутить, только я не на ветер говорил.

Варя (тихо). Конечно, пока вы тут взаперти, на чердаке ничего не видите, вам так и кажется, что лучше меня нет.

Христофоров. Вот тут-то, на чердаке как раз и правильно кажется. А там, как хотите, я могу не говорить.

Варя (усмехнувшись, пожала плечами).

чами). Болтаем мы глупости, будто в доме отдыха сидим, а сами без малого в тюрьме, а может, и похуже.

Христофоров. В доме отдыха всякий ничего себе, а вот, как вы говорите, в тюрьме или тут...

Вяткин (опять прислушавшись, вмешался). Вот верно сержант говорит. Тут каждого человека с изнанки видать, невооруженным глазом.

Снова громко, трудно вздохнул Санников.

Варя. Ну что, что?

Санников. Кажется мне... худо. Силы все уходят, как вода в дырку... Шульга! Дождешься нашей гвардейской, когда она сюда прорвется, передай: как мог...

Шульга (бодро, неуверенно). Экося, ты о чем! Ты еще сам про меня передашь.

Санников. Нет, не передам. Слышишь?..

Шульга (сдаваясь). Хорошо. Конечно же, передам.

Санников. Варя... Варенька. Вот вы возьмите письмо себе от меня на память. Спасибо вам.

Варя. Зачем же мне? Полегчает вам, вы еще почитаете.

Санников (с трудом). Возьми на память. Тебе за него спасибо. Такое хорошее было

письмо, как будто дома побывал, как читала.. И все правильно, все правда, только Лена ведь мне не жена, ты-то не знала, конечно. Мы знакомы с ней недавно совсем. Она мне невеста считалась.. Вот окно заколочено. Одну бы досочку сдвинуть. На минуточку бы на вольный воздух взглянуть... А?

Вяткин потянулся и, встав, помог Варя. С легким преском одна из досок, которой забито окно, сдвинулась в сторону, и над головой Санникова открылась большая щель.

Вот спасибо... Вижу звезду... еще... (С детской радостью.) Две звезды вижу. Вот они... И ты со мной еще чего-нибудь поговори, пока я не... сплю..

Вяткин. Вы бы спели, как тот раз, потихоньку, шопотом.

Варя. Я разбужу. Он засыпает.

Санников. Нет еще, пой!

Вяткин. Ту колыбельную бы и спели.

Варя. Да не к месту совсем. И она смешная какая-то...

Санников. Ну?

Варя очень тихо, наклонившись к самому уху Санникова, запела колыбельную.

Она поет все тише, вглядываясь в лицо лежащего, потом немного громче, снова убедившись, что он ее слушает. Наконец, замолчала совсем. Тишина. Кругом сумрак.

Варя. Вяткин, зажгите спичку! (И начала тихонько допевать невнятный убаюкивающий мотив песенки.)

Вспыхнула в темноте спичка у лица Самникова.

Что?

Вяткин. Он улыбается.

Варя. Заснул?

Вяткин. Нет. Дайте-ка ваш платочек, лицо ему накрыть.

Варя. Не надо. Я сама.

Где-то в отдалении зародился тревожный звук. Все начинают прислушиваться. Звук приближается, и все понимают, что это скрипят ступени лестницы, ведущей на чердак.

Голос Ульяны. Варька, ты тут, что ли? Чего распелась?

Варя. Я белье вешаю. Сейчас иду.

Голос Ульяны. Впотьмах-то что?

Варя. Я уж кончаю. Я пою, чтоб не страшно одной в темноте было.

Голос Ульяны. Не страшно... Волк тебя на чердаке схватит. Надо раньше было вешать.

Она закашлялась, и ступени еаскрипели под медленно удаляющимися шагами. Варя в изнеможении прислонилась к балке. Вяткин, покачав головой, отложил пистолет. В бреду торопливо заговорил Христофоров.

Христофоров. Ага, нет, шалишь, валяй, окружай... Зачем же сверху? Сверху жарко...

Вы только перед глазами не мешайтесь, а то я еще опять начну и тогда...

Варя (борясь со слезами, опустилась на колени, обняла его за плечи и стала гладить по щеке, успокаивая. Говорит торопливым шопотом, только для себя, так как он без сознания.) Тише... Ну, тише, тише... Ты тут не пропадешь, в этом проклятом аду, в темноте, ты увидишь небо свободным... Ты выйдешь отсюда. Я тебя спасу сама, ты спасешься. Тебе обязательно повезет,— у тебя глаза синие. Ты, мой родной, спасешься, спасешься, спасешься...

ЗАНАВЕС

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Прихожая школы. Немецкая надпись над внутренней дверью.

Из двери с крыльца через комнату, стуча сапогами, медленно прошел немецкий комендант Гуго Бальц в сопровождении офицера, а следом за ними бургомистр, бывший завхоз школы Артамкин. Немцы вошли во вторую дверь и неторопливо притворили ее за собою, как раз во-время, чтобы не прихлопнуть Артамкину нос, но и не дать ему войти следом. Отшатнувшись, он оглянулся, чтобы убедиться, что никто не видел. Вошла его мать — Ульяна.

Ульяна. Куда это вы ходили?

Артамкин. Веселовского накрыли. Нашли у них одного. В подвале прятали. Теперь ему будет. Самого старика уже забрали.

Ульяна. Кого прятал-то?

Артамкин. Там какой-то раненый, а кто он такой, чорт его разберет, разве он скажет?

Что ни спросишь: «Ничего не знаю» да «Ничего не знаю» — заладил... Очень удачно получилось, что хоть это в Заречье, от нас далеко, а то неприятностей не оберешься. Не дай бог, тут где поблизости, так комендант бы на меня взъелся, что прозевали. А юни сами не прозевали? Случайно совсем и нашли. Девчонка-дура Веселовских пару соленых огурцов в бумажке в подвал понесла днем, а какой-то немец возьми да и уследи... Вот дура: полакомить захотелось. Ну, сейчас патруль в подвал, а там этот раненый и лежит спрятанный. Тут народ такой, за каждым наблюдай. Видишь, по огурцам нашли, никакую мелочь мимо внимания нельзя пропускать... Почему у нас пол заслеженный? Не могут ноги обтирать, что ли?

Ульяна. Это комендант с тем, другим, прошли.

Артамкин. Ну, так кликни Варьку, пускай вытрет... И за Варькой этой смотри! Никому не доверяй: все, сволочи, притаились. Ни одному не верю, всех бы...

Ульяна. Эй, Варька, возьми ведро, иди сюда: пол подотри.

Голос Вари: «Сейчас».

Сама должна следить... Вот...

Варя вошла с грязным ведром. Ульяна показала,

где вытирать следы ног, и вышла. Варю почти нельзя узнать: грязная, забитая, растрепанная, угрюмая.

Немецкий солдат открыл дверь и пропустил в комнату доктора. Тот вошел с чемоданчиком в руке и тревожно осмотрелся, остановившись на пороге.

Доктор. Я вызван... Меня вызвали сюда явиться.

Артамкин. Повестка есть?

Доктор. Мне только сейчас принесли. Вот я явился. Может быть, вы знаете, по какому это делу?

Артамкин. Вот тут сидите. Когда нужно, вам объяснят, по какому делу. (Ушел.)

Варя (стоя на коленях перед печкой, возится с дровами. Теперь она обернулась через плечо и тихо сказала). Здравствуйте!

Доктор (вздрыгнул, потом, всмотревшись, успокоился). А, здравствуйте... Вы все тут работаете? Уборщицей?

Варя. Больше всего прачкой. А так теперь за все приходится...

Доктор. Да, да, конечно, приходится. Вы не знаете, случайно, зачем меня могли вызвать в комендатуру?

Варя. Нет, не знаю. Да вы погодите волноваться. Мало ли зачем вызывают...

Доктор. Да нет, не понимаю. Мне комендант дал разрешение. А в субботу, помните, я сюда приходил? Еще продлил на две недели, и вдруг вызывают.

Варя. Какое это разрешение?

Доктор. Заниматься... ну, вообще, работать врачом. Во всем городе только двоим выдали разрешение: Семенцову и мне... А почему-то вот теперь опять вызывают.

Варя. Вам, значит, очень везет. Я завидую вашей профессии. По-моему интереснее ее нету. Помните, я прошлый раз, как вы были, все вам надоедала разговорами про разные болезни.

Доктор (начинает припоминать и настораживается). Да, кажется, вы что-то спрашивали? Я не помню.

Варя. Нет, мы просто разговаривали. Я говорю, медицинским работникам всегда завидовала, даже сама собиралась учиться итти. Много таких загадочных вопросов, что сам ни за что во всю жизнь не додумаешься. (Подбросила полено, со вздохом зевнула.) Вот я, например, почему-то задумалась: отчего у людей бывает бред? Понимаете? Вдруг человек себя не помнит и начинает разговаривать про разные посторонние вещи, чего, кажется, никогда и в голову-то

не придет. Вот отчего? Ведь это удивительно!

Доктор (не очень охотно). Это от разных причин может быть.

Варя (с коротким смешком). Ну, ясно, здоровый человек не станет бредить. Это даже я понимаю. Конечно, это бывает, если человек больной... или раненый какой-нибудь.

Доктор (встал, прошелся по комнате, стал спиной к Варе, глядя в окно, небрежно). Ну, куда, например, раненный?

Варя. Ну, я не знаю. Ну, хоть в голову, скажем.

Доктор (незаинтересованно, рассеянно). Тут важно знать — глубокая ли рана, задета ли кость и множество других данных.

Варя. Ну, почему я знаю... Скажем, довольно глубокая, до кости. Вот тут... (Она быстро опустила руку, которой потянулась к затылку, чтобы показать.) А кость цела.

Доктор (побарабанил по стеклу). А есть боли в голове?

Варя. Днем ничего, а вот к вечеру...

Доктор. Что ж вам сказать? В таких слу-

чаях медицина прибегает к различным средствам. Морфий, понталон...

Варя. И помогает?.. Вот интересно как, скажите... Наверное, лекарства эти очень редкие. Теперь не достать... (Минуту не решаясь, потом сразу быстро.) А если в ране нагноение получается и жар очень сильный, то...

С черного хода в комнату нерешительно заглянула пожилая женщина в платочке. Варя быстро оглянулась и, отвернувшись, стала возиться у печки.

Женщина (заговорила усталым и очень тонким голосом). Тут, что ли, школа-то помещалась? Не узнаешь... Ничего нынче не узнаешь... Ты тут, слышь, уборщицей?

Варя (не оборачиваясь). А что тебе?

Женщина. Налог я вносила тут за кошку. За кошек, слышь, теперь налог. Вот я и зашла... А ты тут давно работаешь? Я тебя что-то не припомню.

Варя. Не очень давно.

Женщина. Слышь-ка, чего я тебя спрошу... Тут учительница молоденькая была. Да она и не учительница. Она и не учила еще. Только еще привыкала. Так мне бы ее надо. Она тут, люди сказывают, осталась. Мне бы ее надо.

Варя. Почему я знаю!.. Никого тут не осталось. А солдат увидит, что сюда зашла, вот он тебе покажет.

Женщина. Не знаешь? Ну-ну... (Потопталась в нерешительности и вышла.)

Конвойный немецкий солдат открыл дверь и выпустил впереди себя очень пожилого человека. Это священник Арсений Воздвиженский. Он в обыкновенном штатском платье, в мягкой шляпе, немолодого старомодной. Только волосы у него подлиннее, чем обычно носят. Солдат огляделся и стукнул прикладом по полу, потом позвал: «Э-э!»

Голос Артамкина: «Сейчас». Он вошел из боковой двери, вытирая рот, что-то дожевывая. Взял у солдата рассыльную книгу и расписался. Солдат ушел.

Арсений. Здравствуйте!

Артамкин. Здравствуйте! Паспорт ваш дайте. Вот тут обождите.

Арсений. Спасибо, я посижу. Ноги слабы сделалась.

Доктор (встает, беспокожно). Вы не будете так любезны, может быть, можно выяснить, зачем меня... Может быть, просто недоразумение... Дело в том, что у меня разрешение продлено до 14-го включительно.

Артамкин. Вам объяснят, я сказал. (Ушел.)

Арсений (спокойно, благожелательно оглядывая все вокруг, об-

ратил внимание на Варю). Печку, девица, затопляешь? Хорошо. Это хорошо.

Снова хлопнула входная дверь. Вошел немецкий солдат и, обернувшись, стал ждать, пока тот, кто идет следом за ним, войдет. Чувствуется по продолжительности паузы, что идут за ним очень медленно. Действительно, очень медленно вошел, хромя, с усилием переступил порог молодой парень в гимнастерке, разорванной у ворота, и военных брюках. За ним старик Веселовский и сзади еще два немецких солдата. Раненый без шапки. Нога у него забинтована грязным суровым полотенцем. Подошел Артамкин.

Артамкин. Доигрались в прятки, товарищ Веселовский? А?

Веселовский (не повернулся к говорившему и только, тяжело ворочая языком, выговорил). Уйди, вошь... (Раненому.) Садись, у тебя сил нет стоять...

Артамкин вышел.

Раненый (опираясь на кривую березовую палку, шагнул, переступая больной ногой, и, сморщась от боли, сел). Вот через меня вы себе навредили, дедушка... Говорил я вам, бесполезно было меня прятать, все равно разнохают.

Веселовский. Семь бед, один ответ. Какая обо мне забота. Я 71 год прожил, все свое хоро-

шее отжил, а если что и осталось, так... самую малость, какого-нибудь мусорку. Худо тебе?

Раненый. В голове темнеет, все клонит прилечь, хоть на пол, хоть куда, все равно.

Веселовский. Кабы не дура-девчонка, ты бы у меня поправился.

Подошел немецкий солдат и толкнул в плечо раненого, показывая, что надо идти в комнату.

Раненый (встал и обернулся к Веселовскому). Спасибо вам. Простите.

Веселовский. Не на чем. Нас прости,— не сумели уберечь.

Раненый, медленно ковыляя, прошел через комнату и скрылся за дверью. Через минуту вышел оттуда Артамкин и сделал знак доктору. Тот тоже ушел. Держа в руках два паспорта, вышел Гуго Бальц, широколицый, с выкаченными глазами, бесцветными бровями. Рассматривая паспорта, он усме- хается.

Бальц. Вы священник?

Арсений (приподнимаясь со своего места). Совершенно правильно. Я — священник.

Бальц. А вы, Веселовский, пенсионер... В 1928 году состояли членом местного кружка или союза воинственных безбожников?

Веселовский. Воинствующих, а не воинственных.

Бальц. И они сидят рядом... Ведь вы же — враги? Почему вы не подрались? Безбожник и поп?.. Это вы, воинственный безбожник, прятали у себя раненого в подвале? Да? А вы читали объявление комендатуры?

Веселовский. Я читал.

Бальц. И все-таки прятали?.. Вы — некультурный, упрямый дикарь. Настоящий русский дикарь. Разве раненому было хорошо у вас в подвале? Отвечайте!

Веселовский. Нет, в подвале плохо.

Бальц. Кто же за ним ухаживал? Вы? У вас есть медицинское образование? Вы располагали необходимыми медикаментами? Ну? Отвечайте. Разве подвал — это больница? Вы предпочитаете, чтобы он умер у вас в подвале, чем чтобы он вылез у нас в госпитале, да? Отойдите от меня, мне противно вас видеть. (Поворачивается к священнику.) Вы видите этого дикаря, хитрого и глупого, который из животного упрямства держит в подвале больного человека, вопреки распоряжениям комендатуры... Я вас позвал, чтобы вы помогли нам бороться с этой дикостью. Мы хотим только, чтобы все было на своих местах. Раненые и больные должны быть в госпитале. Здоровые должны работать. Объявления висят, но они не оказывают

должного действия. Я прошу вас выйти вот туда, на крыльцо, когда соберется народ (его уже собирают), и объяснить этим глупым и обозленным, чтобы в городе прекратилось это идиотское прятание здоровых и больных по углам. Кто заявит, получает даже небольшую премию. Кто явится до 6-го числа, не понесет наказания. Те, кто будут упорствовать, подлежат смертной казни... Своей разумной проповедью вы можете помочь избежать лишних жертв, понимаете? Разве это не благородная миссия? Пожалуйста, спрашивайте, что вас смущает?

Арсений. А... вы извините... никто не может пострадать при этом?

Бальц. Фу, вам-то стыдно! Вы — образованный человек.

Дверь из комнаты открылась, и оттуда вышел тот же раненый. У него растерянный и напряженный вид. Сразу видно, что он по-новому перевязан чистыми бинтами и опирается на хорошую палку с резиновым наконечником.

(Небрежно оглянулся, усмехнувшись.) Все в порядке, доктор? Ну, парень, эта перевязка лучше прежней... А, тебе и палку дали? Эта лучше? Отвечай!

Раненый. Да.

Бальц. Ты доволен? Ну, что молчишь? А?

Раненый. Ничего не знаю.

Бальц (пожал плечами). Дикие люди! В госпиталь № 4... Вот видите, им добро приходится делать насильно. Чтобы оказать помощь, нужно их приводить под конвоем. Анекдот. (Арсению.) Пойдемте ко мне!

Арсений. Благодарствуйте! (Уходят.)

Хромая, раненый медленно направляется к черному ходу. За ним следом идет немецкий солдат с винтовкой в руке. У солдата толстая заячья губа. Варя стоит, схватившись руками за грудь, замерев, с ужасом глядя, как раненый спускается по ступенькам.

Доктор. Что с вами, что вы смотрите?

Варя (с искаженным от страха лицом изо всех сил зажимает уши, шепчет.) Этот с заячьей губой... Я знаю, сейчас он его в спину за сараем... Сейчас выстрелит, я знаю, я видела уже один раз. Сейчас выстрелит... (Долго стоит, застыв в страшном напряжении. Потом, будто проснувшись, отводит руки от ушей и бессильно роняет их вдоль тела.) Нет, кажется, нет, они уже прошли то место, наверное. (С удивлением и несказанным облегчением переводит дыхание. Подошла к печке, что-то туда бросила.)

Вошла Ульяна.

Ульяна. Ты что это в печке палишь?

Варя. Ничего не палю. Я печку топлю. Са-ми велели.

Ульяна. Врешь! А это что? Не вижу я, что ли? Откуда бинты?

Варя. Мало ли мусору по дому...

Ульяна. Врешь! Это не мусор. Бинты хорошие, широкие, только в крови испачканные. Откуда взяла?

Варя. Вот, откуда? Я по всему дому собираю всякую грязь.

Ульяна. Где подобрала? В каком месте?

Варя. Буду я помнить.

Ульяна. Гляди у меня, коли ты что знаешь, а утаиваешь... Я все равно услежу за тобой.

Варя. Мне-то что. Следите на здоровье.

Ульяна. Гляди у меня... учительница. (Ушла.)

Доктор (тихо). Слушайте, вы, кажется, интересовались? Вот, если хотите, можете посмотреть. Это как раз морфий, тут несколько таблеток. А это белый стрептоцид — прекрасное средство присыпать раны, которые плохо заживают... Да-с, вот как... Отличное действие...

Варя (смотрит, не отрываясь, на пакетики, которые доктор положил на скамейку. Тихо). Мне это можно взять?

Доктор. Что? Вы про эти пакетики спрашиваете? Это не мои. Я тут не при чем. Вы можете делать, как хотите.

Варя. Ой, спасибо! (Быстро спрятала.)

Доктор. Не понимаю, про что вы говорите... Кому спасибо?

Варя. Хорошо. Тогда не вам спасибо.

Доктор (помолчав). Только вы не слушайте уж, пожалуйста! И помните: больше трех таблеток морфия в день нельзя...

Входят Гуго Бальц, Арсений
и Артамкин.

Бальц (Арсению). Вот ваш паспорт. Вы, конечно, совершенно свободны. Я знал, что вы правильно усвоите себе положение. Жителей уже собирают, они скоро будут тут, у крыльца. Немного подождите, у вас будет время подготовиться к вашей проповеди.

Арсений. Благодарствуйте!

Артамкин. Веселовский, теперь ты иди, с тобой будет происходить разговор. Прятальщик!

Веселовский. Иду, беглая крыса!

Артамкин. Пускай! Крысы-то ведь с гибнущего корабля убегают?

Веселовский. Не утешайся! Небось, корабль не потонет оттого, что с него убежала паршивая крыса.

Артамкин. Иди, иди, там поговорим и про крыс и про все. (Ушли.)

Варя подошла к окну, постояла, вдруг охнула.

Доктор. Что вы?

Варя. Этот немец, с губой, со двора на улицу вышел.

Доктор. Какой немец?

Варя. Господи, ну, который того раненого только что выводил.

Доктор. Ну?

Варя. Почему же он один вышел?..

Доктор. Ну, он отвел его, по всей вероятности, куда ему приказали. В госпиталь.

Варя. Куда же отвел, когда он со двора нашего вышел один, понимаете, один?

Вошла Ульяна.

Ульяна. Ты что тут охаешь?

Варя. Ведро уронила.

Ульяна. У. дырявы твои руки! Подотри! (Вышла.)

Варя. Подотру. (Взяла ведро и скрылась за дверью черного хода. Прошло некоторое время. Она вернулась и молча стала вытирать пол, постепенно приближаясь к священнику. Тихо.) Вы сами-то верите или только для выгоды?

Арсений. Что?

Варя. Вы только не кричите, а то услышат. Тише! Знаете, сколько народу сгоняют на площадь? Может быть, тысячу или больше. Все будут вас слушать, а вы им будете рассказывать, как немцы хорошо того раненого перевязывали и даже костыль выдали, да?

Арсений. Что тебе, девушка, надобно от меня?

Варя. Да тише, только тише! Вы только ответьте. Вы народ нарочно обманываете? Тогда я ничего больше спрашивать у вас не стану. (Подняла на него такие напряженные, горящие глаза, что Арсений серьезно протворил.)

Арсений. Нет, я нарочно людей не обманываю, девушка, нет!

Варя. Вы правду говорите? Ну, тогда делайте, что я вам скажу. Я сейчас отойду, а вы скажите: «Девушка, оботри-ка мне калоши...» А я тогда отвечу: «Идите вот на черное крыльцо, я вам там оботру». И вы тогда выходите за мной, с крыльца спускайтесь и идите прямо к дровяному сараю, а как дойдете, только повернитесь и посмотрите направо за угол. Там у забора старые кровати железные свалены, ржавые, там много кроватей

навалено. Вы посмотрите и все увидите...
(Подхватила ведро и отошла.)

Арсений в волнении встал, прошелся, не зная, на что решиться. Пауза. Вдруг вызывающе громко звякнуло ведро, и священник, наконец, нерешительно выговорил было: «Девушка...» Тут вошел Артамкин.

Артамкин (проходя). Уже собрался народ. Кончают сгонять. Сейчас.

Варя (не вытерпев). Хотите, я вам?..

Арсений (решившись). Девушка, пожалуйста, оботри мне калоши, а?

Варя. Идите сюда на крыльцо, я оботру... Вот сюда идите.

Арсений медленно сошел с крыльца и скоро вернулся. Видели?

Арсений (упавшим голосом). Да, там лежит. Зачем же они его на эти кровати бросили?

Варя. Этот с заячьей губой... его штыком зарезал. (Громко.) Ну, вот, калоши у вас теперь чистые... Идите, проповедуйте теперь.

Арсений. Боже мой, боже мой...

Из комнаты вывели Веселовского.

Бальц (кричит вслед ему). Тем хуже для вас.

Арсений сел в углу, закрыл лицо руками. Ульяна подошла и тихо окликнула его.

Ульяна, Батюшка!

Арсений (не поднимая головы). Не мешайте, дайте мне помолиться...

Веселовский (враждебно). Молись, молись, у тебя грехов много.

Арсений. Много. (Снова опустил голову и закрыл лицо.) Только не мешайте мне.

Веселовский. Кто тебе мешает! Твоя неделя.

Немного погодя вошли Бальц с офицером,
Арташкин, солдаты.

Бальц. Ну, вы приготовились, я вижу?

Арсений (медленно встает). Сейчас.

Бальц. Вам совершенно ясно все, что нужно сказать этим людям? Может быть, вы хотели еще раз посоветоваться, уяснить какие-нибудь подробности?

Арсений. Нет, я советовался со своей совестью. Я думаю, все скажу, как надо.

Бальц. Ну, смотрите, совесть — это не научное понятие. Впрочем, мы говорили достаточно подробно. У вас тут, кажется, большая семья?

Арсений. Да, большая и совершенно беспомощная.

Веселовский. У него у одного семья, у других у всех не семьи...

Бальц. Вы молчите! С вами еще последует разговор в свое время.

Солдат распахнул дверь. Все направилось к выходу на крыльцо. Впереди священник, снимающий на ходу шляпу. За ним юфицеры, Артамкин, солдаты. Слышен гул собравшейся толпы. Видна голая береза у крыльца. Тишина. Оставшиеся в комнате столпились у дверей.

Голос Артамкина (на крыльце). Сейчас к народу обратится с правдивым словом священник, батюшка, отец Арсений... Это не какой-нибудь поганый комиссар будет разводить свою агитацию, а подлинный русский, православное духовное лицо и наш старожил, выскажет народу всю правду.

Веселовский. Повыползли, повыползли гады...

Слышен голос Арсения, иногда видна его спина среди офицеров, стоящих немного поодаль, ближе к двери.

Голос Арсения. Люди русские...

Веселовский плюнул в бессильной ярости. Варя перевела дух.

Вот что я хочу сказать... От иноземной власти нам издано постановление. Приказывается под страхом казней и смерти, если кто скрывает у себя раненых, воинов русского вой-

ска, или смелых русских людей — партизан, чтобы этих воинов и русских людей перестать укрывать, а выдавать их иноземной власти... И за то обещается, что этим раненым воинам и всем людям не будет причинено вреда. Перед своим народом, как перед своим богом, я вам свидетельствую: все сие есть обман и ложь. Если кто выдаст, пусть знает: на муки и смерть выдаст и свою душу и совесть погубит.

Бальц (Артамкину). Что он болтает, что он путает?

Арсений (кричит). Люди русские, молчите! Молчите и не выдавайте! Некому тут за тебя заступиться, русский народ, стой сам за себя! Мучить будут,— стой! Убивать будут,— стой!

Ясный, молодой, почти веселый голос донесся из толпы: «Молодец, батя!» Затрещала очередь автомата на улице.

Бальц. Убрать! Взять старого идиота! К чорту! Старая лиса... Виселицу теперь же, пока не разошлись люди.

Солдаты тащат Арсения с крыльца в комнату. Его втолкнули в учительскую вместе с Веселовским. За дверью слышен шум голосов. Потом дверь встряхнулась от толчка, как будто на нее налетел сразмаху брошенный человек. Немного погодя вошла с улицы

женщина в платочке. Варя стоит, глядя на дверь, не замечая вошедшей, и поэтому не успевает отвернуться.

Женщина. А я тебя узнала.

Варя. Что вам тут надобно? Чего вы все тут ходите?

Женщина. Признала тебя, говорю. Я тебя помню. Ты и есть учительница, а говоришь «нету».

Варя. Чего вы от меня хотите?

Женщина (тихо). Лепешечек возьми. Все передать хочу, с утра хожу тут вокруг, а она говорит: «Нету». Я было ушла совсем, хорошо вот сейчас глянула, сразу так и признала.

Варя. Зачем мне ваши лепешки? Не надо мне ничего.

Женщина. Ты нас не опасайся. Тетка Степанида молоко тебе носит? Мы — степанидины свояки. От нас с дедом лепешки. Ко вторнику опять напечем. А ты тогда на угол выходи к будке, я тебя там поджидать буду.

Варя (уже почти не сопротивляясь). Какое молоко, бабка? Про что ты?

Женщина. Да непонятливая ты какая! Твоим раненым молоко. Народ же все знает. Ты не опасайся!

Варя. Хорошо. (Взяла.)

Женщина. Так во вторник ты выходи к будке после обеда. Либо я приду, а нето дед принесет. Уж это все равно, что я. (Ушла.)

Артамкин (почти выбежал из учительской, на ходу крикнул). Эй, Варька, живо подотри там в комнате на полу! (Сбежал с парадного крыльца.)

Следом за ним из комнаты вытолкнули Веселовского и Арсения. Они оба избиты. С ними вышли два конвойных немецких солдата. Старики, спотыкаясь, добрались до лавки и селч. Веселовский вытер платком испачканную в крови щеку Арсения. Арсений старше, и видно, что ему хуже.

Веселовский (усмехнулся и поморщился от боли). Что, старик, помирать будем? Не страшно?

Арсений. А вы не чувствуете робости? Я только слабость чувствую... Впервые в жизни претерпел такое обращение и вот ослаб.

Веселовский. А ты бодрись, сейчас нас поведут перед всем народом. Надо бодрость показать.

Арсений (по прежнему слабо). А далеко нам идти?

Веселовский (ободряюще). Да нет, старче, прямо тут же, на другом краю площади, они ее и воздвигли. Ну, около булочной, знаешь?

Арсений. Около булочной? Так опозорить город, чтобы виселицу среди бела дня поставить... (Шопотом.) Только вы идите ровно и тихонечко. Тогда я ничего. Доплетусь. А то в ногах ужасная слабость. Ну, что ты с ними поделаешь!

Веселовский. Дойдем. Голову, главное, выше, перед погаными не погнуться.

Арсений. Я не согнусь. (Улыбнулся.) Ноги мои вот могут согнуться. Я не упаду, а тело дряхлое может упасть.

Веселовский. А ты ему объясни, как я: иди, мол, старая лошадь, тут недалеко. Подтянись!

Арсений (продолжая улыбаться; ему нравится разговор). Говорю ему: встань и иди! И бедное животное, чувствую, суетится и старается, слушается, но, вижу, уже выбилюсь из сил и падает перед самым стойлом.

Веселовский. Чего улыбаешься, батя?

Арсений. Голос вспоминаю. Слышал, из толпы мне голос крикнул: «Молодец, батя!» До чего голос был хороший... Нам бы с тобой помолиться вместе хорошо напоследок.

Веселовский. Молись! А со мной ты тут не сговоришь. Было бы время, мы бы с тобой поспорили, а?

Арсений. Ничего, каждый по-своему. Каждый, как умеет, одному служит. Плохо, нерадиво, а каждый служит.

Веселовский. Вот главное, что плохо, это да. Вот что обидно. Надо бы лучше, да уж поздно. Это верно.

Арсений. Ну, ничего. Пускай другие за всех нас... таких нерадивых, и черствых, и жадных, а все-таки и добрых и щедрых; так часто ленивых и слабых, но жизнь свою отдающих за других. За всех наших кротких и бесстрашных русских людей...

Ульяна (подошла тихо, со страхом). Сгубили вы себя, батюшка.

Арсений. Чуть не сгубил, но спасся.

Варя (всхлипнула, прислушиваясь). Какую вы речь сейчас хорошую говорили...

Арсений (Варе). Речь?.. Разве речь? Я думал, это молитва... Спасибо тебе, девочка!

Вбежал Артамкин с улицы, разгоряченный, озабоченный.

Артамкин. Готово. Можно вести. Хватит елеем мазать, косматый, вставай!

Веселовский (тихо). Ну, теперь крепче опирайся на меня.

Арсений. Только потихоньку сперва. Потом я.. разойдусь, дойду. (С трудом немного

выпрямился, повернувшись к Артамкину.) А трудно тебе будет помирать, человек! Мы идем сейчас, поддержаны тысячью невидимых рук, а ты пойдешь, как корзины с булыжником понесешь всю тяжесть тысяч человеческих проклятий. Трудная будет у тебя смерть.

Артамкин (сорвавшись). Иди, ч-чорт!

Старики, поддерживая друг друга, немного заплетаясь, медленно направляются к выходу на крыльцо. Перед ними распахнулась дверь, догнула навстречу приглушенная волна людского говора и затихла.

Веселовский (тихо). Голову!.. Голову!..

Перед тем как шагнуть через порог, Арсений медленно выпрямляется, и они молча, немного ускорив шаги, выходят.

Варя (шепнула вслед). Прощайте, старички!

Артамкин стоит, вытирая лоб, как после работы. У него озабоченный вид человека, едва послевшего отправить в последнюю минуту к отходу поезда после больших хлопот партию товара. Заметив стоящую рядом Ульяну, он повернулся к ней.

Ульяна напряженно, растерянно смотрит вслед ушедшим, пытаясь что-то понять... Она едва слышит, что спрашивает ее сын.

Артамкин. Как насчет того, что я наказывал? Чего-нибудь заметила?

Ульяна. Что?.. Нет...

Арташкин (тихо). А за Варькой ничего не замечала?

Ульяна. За Варькой?.. Ох, покоя мне нет от тебя! Нет, не знаю, ничего не знаю, ничего я не знаю...

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Чердак. Привалившись спиной к балке, Шульга медленно, вдумчиво читает вслух по книжке, вытащенной из груды рваных, обожженных бумаг из книг детской школьной библиотеки, сваленных в углу.

Вяткин. Да замолкни ты, пожалуйста! Сил нет выслушивать подобные вещи. Ты лучше опять учебник арифметики читай или про породы певчих птиц.

Христофоров. Читай, читай дальше. Чудная книжка! Раньше читал, а никогда в ней не замечал такого чувства. Вот уж действительно классика.

Шульга. Ну так читать?

Вяткин (смеясь, махнул рукой). Ну, пропадать, так пропадать. Читай. Буду слушать. Терзай мое сердце.

Шульга (читает). «...Да кулебяку сделай на четыре угла, — говорил он с присасыванием и забирая к себе дух. — В один угол положи ты мне щеки осетра да вязиги, в другой гречневой кашицы, да грибочков с лучком, да молоко сладких, да мозгов, да еще чего знаешь

там этакого... какого-нибудь там того... Да чтобы она с одного боку, понимаешь, подрумянилась бы, а с другого пусть ее полегче. Да исподку-то... пропеки ее так, чтобы всю ее прососало, проняло бы так, чтобы она вся, знаешь, этак разтого — не то, чтобы рассыпалась, а истаяла бы во рту, как снег какой, так чтобы и не услышал.— Говоря это, Петух присмактывал и подшлепывал губами.

«Чорт побери; не даст спать»,— думал Чичиков и закутал голову в одеяло, чтобы не слышать ничего. Но и сквозь одеяло было слышно:

— А в обкладку к осетру подпусти свеклу звездочкой, да сняточков, да груздочков, да там, знаешь, репушки, да морковки, да бобков, там чего-нибудь этакого, знаешь, того разтого...»

Шульга, видя, что оба его товарища давятся от беззвучного хохота, опустил книгу и укоризненно покачал головой, но тут же и сам, не выдержав, расхохотался.

Сколько мы тут перечитали, но эта самая подходящая, по-моему.

Вяткин (смеясь). Когда второй день не евши, это произведение оказывается в самую точку. Прямо пронзает до глубины души.

Послышался легкий шум. Все, оборвав смех, повернулись к двери.

Слышен звук медленно поворачиваемого в замке ключа.

Дверь приоткрывается, и появляется Варя.

Стоя в дверях, она тревожно прислушивается, обернувшись назад. Проходит минута томительного ожидания.

(Заговорил шепотом.) Что там такое?

Варя (не оборачиваясь, все еще продолжает вглядываться в темноту приоткрытой двери). Ничего. Кажется, ничего... (Еще минуту постояла, прислушиваясь, потом со вздохом отвернулась от двери.) Мне теперь все время кажется, будто кто-то за мной крадется... Здравствуйте, все! Голодные, наверное? Я вам принесла. (Христофорову.) Как нога?

Христофоров. Хорошо. Совсем хорошо. Честное слово...

Варя. Да вы в-всегда так говорите. Я вам не верю. Сергей Иванович пускай скажет. Врет?

Шульга. Пожалуй, прибавляет. Но получало ему, это, действительно, факт.

Варя. Если правда н-ноге лучше, тогда вам надо сегодня итти.

Христофоров. Я готов, только и жду. А что это вы так сегодня разговариваете странно?

Варя (перебивая, поспешно). П-пу-

стяки! Слушайте! Надо дожидаться, как на улице машина отъедет, тогда я первая спущусь вниз. Если комендант с конвоем уехал и во дворе никого нет, я тихонько запою там внизу, понимаете? Тогда вы сразу спускайтесь, значит — пора... Теперь вы повторите, как вам дальше идти, все по порядку, как я вас учила.

Вяткин. А правда, что это ты как разговариваешь нынче чудно? Заикаться будто стала?

Варя. Ну да... Напало с чего-то, глупость какая-то... П-повторяйте сначала: в-вот вы с лестницы спустились. Потом?

Христофоров (как заученный урок). Будет одна дверь прямо, другая дверь направо. Дверь, которая прямо, обита рваной клеенкой, я в нее и выйду. По двору все прямо, мимо сарая до того места, где свалены в кучу старые железные кровати.

Варя. В-вот это самое проклятое место... И там к забору проход очень узкий, хотя я немного сдвинула кровати, так что осторожно пройти можно. И к забору я подтащила ящик. Вам бы только больную ногу перекинуть. Не знаю, как вы ногу... Об этом я больше всего беспокоюсь. А так там невысоко, если с ящика.

Христофоров. Перетащу ногу как-нибудь.

По переулку налево и опять налево, до самой площади. Там мимо булочной, где стоит теперь виселица, обогну церковь и начну спускаться к речке вниз. Далеко идти до речки?

Варя. Нет, не очень... Ну, мми-минут пять-шесть пройдет.

Христофоров. Нет, что-то вы отговариваетесь! Вы правду скажите, отчего это вы заикаться стали? Случилось что-нибудь?

Варя (стараясь улыбнуться). В-вот г-глупость какая! Испугалась, наверное.

Вяткин (с беспокойством). Фрицы? Рассказывай!

Варя. Совсем это неважно. Главное, помните: на берегу свернуть к разбитой водокачке и от этой водокачки начать считать домики... По правой руке будет шестнадцатый домик. Четвертый дом двойной, все равно считается за один. На крылечке сегодня весь вечер будет сидеть дед и курить. К нему прямо подойдите, он все знает. Зап-пом... запомнили хорошо?

Христофоров (решительно взял ее за руку, повернул к свету). Да что это, правда? Что случилось?

Варя. Я же говорю... Ис-п-пугалась. Никак не проходит почему-то.

Христофоров. А что это с губой? Ох, что это у вас с губой сделалось? Распухла...

Варя (неохотно). Ну, позвали меня и стали выспрашивать... А я, наверное, очень испугалась... А это я ударилась.

Вяткин. Допрос?

Варя. Зачем вы спрашиваете? Зачем вы все спрашиваете? Не все ли равно? Вам сейчас итти надо, как только машина от крыльца отъедет. Вы лучше дорогу запоминайте.

Христофоров. Я помню все. Покажите! (Осторожно тянется и с гримасой боли дотрагивается пальцем до разбитой губы. С бешенством.) У-у, чортова сволочь, сволочь проклятая! Чем это?

Варя. Ну и ладно... Посмотрели бы, что с другими делают, а это пустяки! Я внимания не обращаю, такие пус-пустяки... Вы лучше дорогу запоминайте... Шестнадцатый домик, а деда зовут Касьяныч. Ну, что вы смотрите? Ну, я п-просто нагнулась пол вытереть, а он пихнул сапогом в лицо, этот с заячьей губой. (Вдруг заговорила все быстрее.) Он даже не по-настоящему ударил, а так, сильно пихнул. Понимаете? А я не поняла. Я сперва подумала он нечаянно. Меня никто н-не... ударял. Меня никогда... нет, не

то... я даже никогда не видела, чтобы били человека. Это невозможно вытерпеть, оказывается, после этого жить совсем невозможно... (Уронила голову на руку и крепко прижалась лбом к столбу, стараясь унять рыдания.)

Вяткин (дернулся, приподнимаясь. Со злобой пробормотал про себя). А, пропади ты пропадом, эта нога окачная!.. Валяешься тут, как старая баба с водянякой..

Христофоров (стоит, опустив голову неподвижно, только руки у него тихонько сжимаются и разжимаются). Дальше что было?

Варя. Я вышла и пошла по улице. Я все позабыла, только иду и думаю: утоплюсь. и тороплюсь к реке. И того раненого вспомнила, и мальчика повешенного, с белыми ресницами. Иду к реке и думаю: нет на свете никакой справедливости, если это все возможно, что они с нами делают. И я подошла к реке, там, где обрыв, и уж закрыла глаза, и вдруг слышу где-то далеко-далеко как бухнет пушка, одна, другая... Фронт! Я будто проснулась. Ухватилась за кустик, испугалась, что упаду. На фронте бой идет. Значит, сердце у нас бьется. Раз дышит фронт, значит, и мы живы. И тут же про вас вспомнила, как

вы без меня останетесь. Я скорей от края отошла — и все... Вот... Я совсем обеспамятела, тут лепешки и молоко. И вы ешьте на дороге, а то сил нехватит, не дойдете.

Христофоров. Да, хорошо, я поем.

Вяткин. Спасибо. Кто бы знал, до чего я мечтаю об одной вещи! Мне бы того немца, который тебя сапогом, на пять минуточек с глазу на глаз. И только!

Христофоров (сдержанно). Нет уж, того надо мне. Кажется, что не все ли равно! Не я, так другой заплатит. Однако нет. Мне вот позарез его надо. И никто на свете меня так не утешит, как только он сам, со своей заячьей губой.

Варя. Вот, не дай бог, вы во дворе на него прямо и наткнетесь. Вы глупостей никаких не делайте, а то ведь мы все тут пропадем.

Христофоров. Нет, моя злоба не такая короткая. По дешевке я себя не разменяю.

Варя (старается шутить). На злоготу не похожи.

Шульга (как всегда медленно, веско и как будто в раздумье). Действительно, у нас народ скорее чересчур добрый. Я себе так представляю, что в злом человеке эта самая злоба сидит на манер такого червяка, и тот червяк его все время понемногу то-

чит да подзуживает: сделай то, спогань се, спакости там... И эта злоба в человеке всю жизнь уживается... А в доброго человека, если истинная злоба войдет, она ему колом в глотке застрянет. Ему дышать от нее невозможно. Он руками железо рвать начнет, пока из себя ее не выдавит...

Вяткин. Ваше замечание верное, Сергей Иваныч, хотя я не умею настолько законченно выражаться. Мне бы главное того немца. Мы бы с ним поняли друг друга.

Варя. Надо не забывать все время машину слушать. А то мы все разговариваем.

Христофоров. Мне перед уходом с вами поговорить нужно. Слушайте, ребята! Нам немного наедине поговорить нужно. Ладно?

Вяткин. Считайте, что я вышел в соседнюю комнату. Я уже сплю. Когда будет нужно, вы меня толкните покрепче, я проснусь.

Шульга. Говорите о чем хотите.

Христофоров. Так можно с вами поговорить?

Варя с легкой усмешкой оборачивается к нему. Она теперь успокоилась и говорит, как обычно, немного насмешливо.

Вот, значит, я двинусь в путь сейчас... И все Давайте на прощанье поговорим о хорошем.

Варя. Нет, не надо о хорошем. Плохого я, кажется, больше не боюсь, когда кругом все плохо. А о хорошем страшно сейчас думать. Вдруг всех жалко делается и себя жалко, что, может быть, этого хорошего мы не увидим. Мы... Вот именно мы... Вот вы и я...

Христофоров. Мы увидим. Вот именно мы. Вот вы и я.

Варя. Разве мы заколдованные с вами, что ли?

Христофоров. До чего же трудно с вами разговаривать! Вы всегда начинаете какие-то насмешки, споры затеваете. Только знаете что? Я этим вашим насмешкам больше не верю. Вы нарочно ими загораживаетесь, как ширмой. Мне все равно уходить, так я вам прямо все скажу.

Варя. Не надо. Вы о хорошем собирались, теперь вдруг обо мне заговорили.

Христофоров. Вот до чего у вас характер упрямый! Хорошо, что я теперь решил ничему этому не верить... Да, о хорошем... А вы знаете отлично, что лучше вас для меня ничего и нет. Нет уж теперь молчите, мне шутить нет времени. Пускай вы не хотите этого слышать. Я с вас ведь ничего не требую. Ни ответа, ни слова. А мое слово, хотите — не хотите, я вам дал. Вот, слышите? Кто я для вас, это вы сами только про себя знаете, а

вы для меня, как невеста. На всю жизнь, одна, и другой не будет. Вот я сказал. Теперь можете и пересмеивать, как хотите.

Варя (т и х о). Нет... Только не надо бы этого говорить.

Христофоров. Почему?

Варя. Вы знаете почему. Вы—человек очень хороший и добрый, я вам помогла. Ходила за вами. Вы чувствуете ко мне благодарность. Ну, конечно, я вам и понравилась немножко, и все вместе так сделалось, что вам кажется, будто я для вас очень хороша.. А я какая-то дура. Для меня самая ужасная обида подумать, что вы можете меня из благодарности...

Христофоров. Благодарность?.. Благодарность—это совершенно отдельно... А я вам говорю не про благодарность.

Варя (перебивает). Вы о будущем хотели? Вот вам будущее. Пройдет годика два-три, и вот кто-нибудь из товарищей вас спросит: «А помнишь ты, была такая некая Варя?» И вы тогда так вот нахмуритесь и вдруг вспомните: «Ну-у, как же, конечно, помню! Славная девушка! До чего компрессы здорово ставила, просто прелесть! Надо будет как-нибудь ей открыточку послать. Вот который год все собираюсь, никак не соберусь...»

Христофоров. Как вы не смешно шутите! И сами не верите.

Варя. Почему? И верю и не верю.

Христофоров. Ну, может быть, встретимся когда-нибудь лучше, чем прощались. А что я сказал, мое слово твердо.

Варя. Может быть, встретимся... Ладно, вы не сердитесь на меня. Поговорим, раз вы хотите, о хорошем, ведь, верно, напоследок. (Помолчала, закрыла глаза, потом улыбнулась.) Ну, говорите, где мы встретимся, когда все кончится и все будет хорошо?

Христофоров (не понимая). То есть как где? Этого я сейчас сказать не могу.

Варя. Э-э, непонятный какой! Мы же теперь шутим. Мы будем сейчас всякую чепуху болтать. Все, что мы будем говорить, это не в счет. Хорошо? Как это все будет?... Раз у нас сейчас нет ничего, мы на малое не согласимся, верно?

Христофоров. Вот верно.

Варя. Так пускай будет яркое солнце и тишина-а! На всем земном шаре, нигде ни одного выстрела больше не слышно. Кругом люди, спокойные, веселые, наконец переставшие быть несчастными... Откуда ни возьмись, заиграет музыка, и в этот момент мы все

вдруг случайно увидим друг друга. Мы все тоже будем веселые, у всех заживут раны, и мы спокойно будем вспоминать об этом чердаке и... (у сме х ну л а с ь) на мне будет совершенно чистое, очень приличное платье и губа, как у всех людей.

Христофоров. И я вас увижу?

Варя. Ну да, я же говорю, мы все вдруг встретимся.

Христофоров. Если только я вас увижу, тогда можете убрать музыку, — ничего мне больше не нужно.

Варя. Или пускай лучше будет зима, и снег идет... А, впрочем, это глупо все, что я выдумываю. Знаете, пусть будет как? Пусть льет проливной дождь. Ужасный дождь с потоками мутной воды из-под ворот. Повсюду слышно: шлеп-шлеп-шлеп, люди торопятся, чихая, с поднятыми воротниками, с промокшими ногами. И вот тут вдруг вы выходите из-за угла, и мы прямо сталкиваемся лицом к лицу. Вы глянете на меня и скажете: «У-у, какая мокрущая!»

Христофоров. Вы лучше не говорите больше, нето я вас поцелую.

Варя. Мы ж сговорились шутить. Мы все шутим, чтоб незаметно прошли последние десять минут.

Христофоров. Я вас предупреждаю, честное слово...

Вяткин (с ожесточенным раскаянием). Ну, ударьте меня, чорта, доской по башке, чтоб я оглох, что ли... Не могу ничего с собой поделать. Все слышу. Ну, каждое слово...

Христофоров. Вот и ударю.

Варя. И все время подслушивали?

Вяткин (сокрушенно). Все время. Говорю себе: «Не смей слушать, негодяй!», а не могу даже одной буквочки пропустить. Все слышу и все даже запоминаю. С дождем у вас очень хорошо получилось.

Христофоров. Вот я доску сейчас возьму...

Вяткин. Не могу обманывать. Я сознаюсь.

Христофоров. Так имей совесть, молчи, хоть не хвастайся.

Шульга (рассудительно). А что такое? Не про тебя одного речь. И с нами там встречались. И мы там были, где музыка играла. Нас тоже касается.

Варя. Да ничего тут нет. Мы же шутили. У нас десять минут свободных осталось, вот мы и поболтали. Да?

Христофоров (упрямо). Нет, нет!.. Сами знаете, что нет.

Варя. Не стоит спорить. Если проживем.

увидим... А если вы с дедом не встретитесь... Мало ли что... Его с крыльца прогнать могут. Тогда вы знаете что делать? Идите прямо по рыбацкой слободке, вдоль берега. В крайнем случае постучите просто в первый попавшийся дом, там любой поможет... В любой дом, кроме розового двухэтажного со столбиками. Туда ни за что не стучите. Запомнили?

Христофоров. Да вы меня уже не первый день зубрить заставляете, как не запомнить!..

Варя. Главное — это через реку переправиться. Там уж легче. Тише... Слышите?... Ну, конечно, машина отъезжает... Отъехала. Теперь нельзя терять времени. Скорей собирайтесь, я бегу вниз, посмотрю, как там во дворе... Не забудьте, старика Касьянычем зовут...

Христофоров. Помню, хорошо. Собираться недолго. Вот гранату мне придется с собой забрать. Пистолет, конечно, вам останется, по справедливости. Как я уйду, если все тихо будет с полчаса, значит — ура, прошел благополучно. А услышите рванула граната, не поминайте лихом. Это для вашей ориентировки объясняю. Ну, прощай и до свиданья. ты, старик... (Подошел к Шульге и протянул ему руку.)

Тот потянул его за руку и заставил присесть около себя на землю.

Шульга. Значит, как сговорились, в дивни-ю сейчас же доложишь, чтоб, не дай бог, е подумал кто-нибудь...

Христофоров. Ну, ясно, доложу, ведь усло-вились...

Шульга (понижив голос). И, значит, письмецо сейчас напишешь семейству, по ад-ресу отправишь. Поклоны будешь писать, главное — имен не попутай, им ведь обида будет: жене Лизавете Ивановне Шульге, де-вочкам...

Христофоров (скороговоркой). Девоч-кам Маше, Вере, Лизе-маленькой, Владими-ру, — всех помню, не беспокойся, — теткам Александре Васильевне, Лидии Алексеевне, Сергею Васильевичу, племяннице Стеше...

Шульга (испуганно). Что ты, что ты! Я говорю, попутаешь: сперва обязательно бабке Устинье Викторовне, а уж после Сте-ше, нельзя же наперед ее девчонку пускать. На-делаешь ты делов! Старуха обидчивая, уйдет на печь, всей семьей две недели не сымут.

Христофоров. Честное слово, все помню, ничего не перепутаю. Это просто сейчас у меня не то на уме, а так я все вспомню.

Шульга (немного приподнялся и, обняв Христофорова за шею, поце-

ловал). Все опиши про наше положение. Все по правде... Но, конечно, все-таки в более благоприятном смысле... А в случае чего объясни, что дескать... ничего!..

Христофоров. Прощай, Вятка, догоняй меня, поправляйся!

Вяткин. Конечно, я уверен, что ты прой-дешь. Ну, уж если так подойдет, ты помни, главное, гранату раньше времени не кидай, а прямо под ноги, на коротком расстоянии, с выдержкой.

Христофоров. Что я не понимаю, что ли? Прощай! (Встал и направился к Варе.)

Она стоит полуотвернувшись, стараясь улыбаться и борясь с волнением. Он протягивает ей руку, а она стоит молча и не берет его руки.

Варя (насмешливо). Ну!..

Христофоров. Ну, прощайте, Варенька!

Варя. Не забывайте нашу компанию. Вспомните наш чердак, когда будете по Красной площади гулять в Москве, отдыхать.

Христофоров. Вы меня вспомните как-нибудь...

Варя. Вот уж не обещаю, но будем стараться.

Христофоров. Мне вас поблагодарить бы

нужно, да на ваш характер я боюсь вам не понравится. Прощайте!

Снова протянул руку, и она снова не взяла.

Что ж, вы даже руку не дадите?

Варя. Нет... (Еще мгновение помолчала, стоя с опущенными руками, потом вдруг порывисто обняла его за шею и поцеловала.) Нет... Нет, не дам... Прощай!

Христофоров. Не плачьте, не надо плакать! Все будет хорошо.

Варя (торопясь и захлебываясь от сдерживаемых слез). Да пусть только полчаса все будет хорошо, пока ты успеешь отсюда выйти, больше я ничего не прошу у судьбы.

Шульга. В дорогу человеку не надо хорошего желать. Наоборот, ни пуха, ни пера... Вообще плохого желать полагается на счастье.

Варя. Да? Ну, прощай, постылый! Прощай, мой проклятый! Ненавистный, прощай! (Оттолкнула его от себя и быстро пошла к двери. Там еще раз обернулась.) Как я запою внизу, спускайся сейчас же! (Скрылась за дверью, оставшейся полукруглой.)

Христофоров, напряженно прислушиваясь, стоит у две-

ри. Долгая пауза. Снизу, издалека со двора донесся голос негромко запевшей Вари. Христофоров, быстро обернувшись, махнул рукой и молча скрылся за дверью. Вяткин с Шульгой, приподнявшись с земли, прислушиваются, замерев от напряженного ожидания. Песня смолкла. Послышались легкие шаги. Вошла Варя и остановилась у растворенной двери, прислушиваясь к тому, что делается внизу.

Вяткин (шопотом). Ну, как?

Варя. Через двор прошел благополучно, я видела. Сейчас он, наверное, у забора...

Томительная пауза. Все вслушиваются, не двигаясь, с предельным напряжением.

Теперь он, наверное, уже в переулке. Только бы через площадь ему пройти, ох, только бы через площадь...

Вяткин. Кажется, все тихо...

Варя. Погодите еще, слушайте... Да, как будто тихо... Вот сейчас я думаю, он уже...

Вдалеке тяжело бухнул взрыв гранаты. Со стоном боли Варя медленно опустилась на пол, закрыв лицо руками.

ЗАНАВЕС

Шульга (прислушался). Не слышv. В ушах у меня, знаешь, гул сделался. Ш-ш, ш-ш... Будто я у воды лежу, и вода мимо бежит, бежит...

Вяткин. Ты это стряхни с себя, старик. Так; гляди, у тебя фантазии начнут являться. Еще бредить начнешь. Раз такое положение, ты, главное, бодрись.

Шульга (обидчиво). Да что ты, мил-человек, привязался? Бодрись да бодрись. Ты, главное, сам бодрись. А других-то не бодри.

Вяткин. Вот это правильно. Ты лучше все-го на меня ругайся, только снv не поддавайся... Я, знаешь, чего думаю? Надо нам с тобой отсюда выходить, пока мы тут, валявшись, не ослабли до полной потери боеспособности.

Шульга. Куда же выходить? Прямо так, на ура?

Вяткин. Прямо на ура. Что получится... А то, упустивши момент, мы в скором времени начнем от голодной слабости с ног валиться.

Шульга. Все-таки выходить надо к вечеру, когда потемнее... Да, даже вот и попрощаться с ней не пришлось. Такая жалость! Как ушла, так и пропала...

Вяткин. Коли она жива и на свободе, обязательно пришла бы, нас не бросила бы.

Шульга. Это ясно... Только уж они бы ее не очень мучили.

Вяткин. У нее ножичек маленький, вроде финского, припасен. Она показывала. Последнее время она все с ним не расставалась.

Шульга. Видал. Что таким ножичком делаешь! Тем более у нее рука женская, нерешительная...

Пауза.

А может быть, скоро уж вечер?.. В щелях что-то будто синеть начинает?.. (Не дождавшись ответа, позвал.) Вятка!

Вяткин не отвечает.

(Подождав, поучительно замечает больше для самого себя.) Вот видишь, других бодрил-бодрил, а сам и спекся. Уснул. (Полежал немного, еще раз сонным голосом позвал Вяткина, вздохнул и сам потрузился в сон.)

Тишина. Немного погода слабо щелкнул замок. Появилась Варя. Она порывисто шагнула через порог и шопотом позвала Вяткина, потом Сергея Ивановича и, все еще задыхаясь от бега по лестнице, осталась на месте, тревожно прислушиваясь. Явственно донесся снизу звук поднимающихся по лестнице тяжелых

шагов. Вздрогнув, Варя метнулась обратно к двери, но тотчас, опомнившись, поставила таз с мокрым бельем на пол, выхватила из него простыню и накинула ее на веревку, загородив лежащих в углу бойцов. С судорожной поспешностью она продолжает развешивать простыни на веревки в несколько рядов.

В тот момент, когда шаги человека, поднимавшегося следом за ней по лестнице, осторожно закрипели у порога, движения Вари сделались неторопливыми, даже вялыми. Она аккуратно расправила на веревке простыню, потом, как будто нечаянно обернувшись, удивленно вскрикнула, увидев стоящего в дверях не маленького солдата с автоматом. Сейчас ее с трудом можно узнать. Это не та Варя, которая несколько минут тому назад вошла на чердак. Она стоит, уставо сутулясь, с тупым, каким-то равнодушно-забитым выражением уставясь на солдата. Сразу делаются заметными и ее фуки с распухшими от бесконечной стирки пальцами, и растрепанные волосы, и грязный, не по росту большой фартук. Немецкий солдат огляделся кругом. Теперь видно, что это ефрейтор с заячьей губой.

Ефрейтор. Что это такое?

Варя (недоуменно оглянулась, как будто не догадываясь, о чем речь. Потом глуповато, коротко хмыкнула и пожалала плечом). А что такое?.. Значит, белье вешаем.

Даже голос у нее изменился: стал сиповатый и тусклый. Неуклюже вывернув локоть, Варя поправила сбившиеся на лоб волосы и низко нагнулась к тазу с бельем. Немец, незаметно и быстро шагнув вперед, с

силой пнул ногой снизу вверх, стараясь попасть изгнувшейся Варя в лицо. Но Варя уже знакома с этим приемом. С неожиданным проворством она отскочила, прикрывая ладонями рот.

Ну чего?.. Чего вы деретесь?

Ефрейтор. Что это такое? (Нагнулся и, вывернув мокрое белье из таза на пол, вытащил из него бутылку с молоком.)

Варя (плаксиво). Отдай! Это не мое молоко.

Ефрейтор. Не твое молоко? Ага, тогда скажи, чье это молоко?

Варя. Старухино. Старухи одной. Ну, отдай, не балуй!

Ефрейтор (понюхал горлышко, потом отлил глоток). Фу, это молоко надо варить... Такое молоко я не буду пить. (Отбросил от себя бутылку.)

Она, не разбившись, упала на пол, и молоко с тихим бульканьем полилось на землю.

Варя рванулась вперед, чтобы поднять бутылку, но в то же время и ефрейтор проворно сделал шаг вперед, замахнувшись ногой. Варя отшатнулась, но после минутного колебания, изловчившись, подхватила с земли бутылку, в которой почти не осталось молока.

(Копаясь в тазу с бельем.) О-о, тут целый обед. Тоже одной старухи? Твоя ста-

духа много кушает. (Вдруг грубо хватает Варю за плечо.) Кому ты это несешь? Тут кто-то есть? Говори!..

Варя (испуганно). Кто тут есть?.. Фу ты, чего вы меня пугаете! Я и так боюсь сюда одна ходить до смерти. Кто же тут может быть?

Ефрейтор. Ты совсем дурная, дура-девка. Иди, может быть, ты слишком хитрая? Ты говоришь, тут никого нет?

Варя. А кто ж тут может быть? Чердак на замок всегда заперт.

Ефрейтор. А ключ у тебя?

Варя. Ага. Тут же я белье вешаю, видите? Я всегда запираю, чтобы не утащили. Разве можно не запирать!

Ефрейтор. Дай ключ сюда.

Варя. Дай! А если он мне самой нужен. Я за белье отвечаю, ваше же белье, немецкое. Мне велели всегда запирать.

Ефрейтор. Сюда ключ! Я буду делать осмотр и сам все запирать. А ты пойдешь вниз и скажешь дежурному, чтобы мне сюда прислали двух зольдат. Скажи, я, кажется, что-то нашел.

Варя. Двух солдат?..

Ефрейтор. Да, пусть сюда быстро придут

два зольдата. (Откинув простыню, ныряет под висящее белье.)

Теперь его отделяет от раненых бойцов только один ряд мокрого полотна.

Варя (не выдержав, вскрикивает и делает движение его удержать). Ой, постойте... Вы же белье все перепачкаете. Нельзя... белье руками.

Ефрейтор (подозрительно на нее посмотрел, что-то соображая. отошел немного назад и толкнул Варю в плечо). Я буду ждать здесь. Бели бегом к дежурному. Скажи: быстро четыре зольдата на чердак. Я буду сторожить у двери. Я чувствую, тут что-то есть. Ну, быстро!

Он почти выпихнул Варю за дверь. Оставшись один, стоит у самой двери, внимательно вглядываясь в полутьму чердака, держа наготове свой автомат. Пауза. Ефрейтор, немного успокоившись, прислонился к стене. В этот момент из глубины чердака послышался невнятный стон. Ефрейтор, вздрогнув, как ужаленный, повернулся и двинулся прямо по направлению звука. Осторожно ступая на цыпочках, он скрылся за бельем. Почти в тот же момент в дверях снова появляется Варя. Она хочет окликнуть немца, остановить его, но ничего не может придумать и идет за ним следом. В то же время с другой стороны лабиринта развешенного белья вышел Вяткин. Слегка пошатнувшись, он остановился. Крепко растер ладонями себе лицо и

вдруг увидел непривычно распахнутую дверь. Тихоноша он позвал Варю. В ответ послышался короткий торжествующий смешок невидимого Вяткину сфрейтора.

А. русский зольдат Иван.. Попал хитрый зольдат Иван.

Вяткин (беспомощно схватился за пояс; он безоружен). Сергей Иванович, проснись, скорей, пистолет! Кажется, немцы! Тяжело брякнул об землю автомат. Следом послышалось падение грузного тела за простынями.

Сергей Иванович, опомнись, давай. Кто тут?

Варя медленно вышла из-за белья, неестественно держа слегка растопыренные руки, будто в чем-то выпачканные, хотя на них решительно ничего не видно.

(Облегченно.) Варенька, ты? Что тут такое?

Варя. Дайте мне вытереть руки... Дайте мне руки вытереть.

Вяткин. Что случилось, кто тут разговаривает?

Варя (с удивлением глядя на свои руки). Я его, кажется, убила. Дайте мне чем-нибудь руки вытереть.

Вяткин (нагнувшись, шагнул за простыни). Не кажется, а факт. Ну и удар!

Варя. Не надо. (Она с отвращением крепко обтирает руки о мокрую простыню.)

Вяткин. А это никак тот самый, с заячьей

губой. Тот самый. Приятная встреча. Вот мы теперь и с автоматом.

Варя. Тот самый. Он чуть было вас не нашел.. Что я еще хотела сказать?.. Да, надо взять у него из кармана лепешки, которые он у меня украл. Молока почти не осталось. Сергей Иванович жив?

Шульга (из-за белья доносится его веселый голос). Жив! Что ему, старому чорту, делается. Ты вот жива ли, дочка? Совсем пропала. Мы уж было уверились, что с тобой несчастье стряслось. Не идешь и не идешь!

Варя (снимает простыни). Так стали следить! Так стали следить! Шагу не дают ступить. Целый день обыски, целую ночь об-лавы.

Вяткин (с нежностью осматривает и обтирает автомат). Вот мы, Сергей Иваныч, и с автоматом. Шуму теперь будет, когда они сюда за нами прилезут..

Шульга. Откуда ты знаешь, что они обязательно прилезут?

Вяткин. Теперь дело ясное. Неужели ты думаешь, они это тулово не бросятся искать?

Шульга (как всегда спокойно, рассудительно). Ах, тулово? Тулово — это обязательно.

Варя. Что же мы дальше решим делать?

Вяткин. Лучше всего ты как можно поскорей отсюда убегай, пока они не хватились этой своей заячьей губы.

Варя. А вы?

Вяткин. А мы... видно будет. Главное дело — мы теперь с автоматом. Теперь нам веселей... Беги, сестренка, я за тобой дверь запру.

Шульга. Беги, дочка, он верно говорит.

Варя (горячо). Что это значит: беги? Что вы меня гоните? Разве это по-товарищески? Не хочу я обратно идти.

Шульга. Постой, ты постой только, дай тебе слово сказать.

Вяткин. Тут оставаться, по правде говоря, нельзя, положение довольно безвыходное, это надо понять.

Варя. Опять эти разговоры начинаете? Пропадать, так вместе. Разве так по-товарищески?

Шульга. Фу ты, как колюча девка, и тут заспорила! (Засмеялся.)

Варя. Вот и веселей сделалось.

Вяткин. А что нам, собственно, скучать? Я, например, с этим автоматом в руках совсем другой человек. Я сам себя уважаю и с удовольствием на себя смотрю. Разве мое положение такое незавидное? Вот они придут, а я стою на ногах с полным диском в

автомате, и никто сзади мне петлю на шею не накинет. Мое положение ничего!

Шульга. А что ж? Это верно ты говоришь.

Вяткин. Так кто сказал, что наше положение безвыходное?

Шульга. Ты сказал.

Вяткин. Дурак сказал от временного недомыслия в голове. Наше положение завидное, товарищи. На нас пол-Европы смотрит и завидует.

Шульга. На нас с тобой лично?

Вяткин. Именно на нас с тобой лично. И на Варю. Тебе, сестренка, объявляется благодарность больше всех. Если б ты нас не выручила, не спасла, мы бы пропали.

Варя. Вяточкин, милый, мы ведь и так пропали.

Вяткин. Как пропали? Разве ты не видишь? Мы же оба твоими заботами вернулись в строй. Ведь мы сейчас уже в строю стоим, с оружием в руках... Не беспокойся ни о чем, беги скорей вниз. Нам бы только дотемна протянуть, а там нам чорт не брат. Беги, сестренка!

Варя. Ах, мне туда возвращаться хуже смерти. Прощайте уж! (Быстро ушла.)

ЗАНАВЕС

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Двор школы. Забор. Дровяной сарайчик, за углом которого ход на черное крыльцо дома Артамкина. Устало согнувшись, В а р я стирает. Около корыта лежит громадная груда белья.

Из-за сарая появился долговязый парень, уличный точильщик, со станком на плече. Осторожно оглядевшись, подошел и поставил станок около крыльца.

Точильщик. Точить ножи, ножницы!

Варя (вздрагнула от неожиданности). Куда же ты во двор-то лезешь со своими ножницами?.. Посто́й, как тебя часовой во двор пропустил?

Точильщик (не отвечая, опасливо оглянулся еще раз и придвинулся ближе). Ты не опасайся. Я свой.

Варя (холодно). Чей это свой?

Точильщик. Слушай-ка, ты валяй стирай, как стирала, стучи корытом, а сама разгова-

ривай... Какой свой? Ну, русский. Я тебя хорошо знаю. Ты — Варя, учительница.

Варя. До чего удивительно! Меня полгорода знает. Ты к чему это подъезжаешь?

Точильщик. Первое: ты брось меня остерегаться, — говорю свой, значит, факт. Вот на, пожалуйста, убеждайся... Знакомые предметы? (Порылся в кармане и вытащил несколько лепешек, завернутых в просаленную бумагу.)

Варя (безразлично). Лепешки, что ли, какие-то? Это зачем?

Точильщик. Ты бабушку помнишь, которая лепешки пекла твоим? Так нету больше той бабушки. Однако лепешки теперь ее дед сам печет. Вот...

Варя. Ну, пускай печет. А для чего ты мне все это рассказываешь? (Энергично продолжая стирать, искоса бросила взгляд на парня.)

Точильщик. Я к тебе по делу. Да ты, я вижу, все не веришь?

Варя. Что тебе верить? В долг не просишь, кажется. А дел у меня с тобой никаких не может быть.

Точильщик. Ну, ясный факт. Не верит... Слушай, ты, может быть, голос мой припомнишь? Тот раз, как поп Арсений речь говорил,

я сам лично крикнул: «Молодец, батя!» Хотел ему ободрение сделать. Не признаешь?

Варя. А мне-то что? Кричал, не кричал.

Точильщик (про себя чертыхнулся и помолчал. Потом решительно отвернул рукав куртки и протянул руку, приподняв край повязки, прикрывающей изуродованные, уже зажившие пальцы). Вот мое удостоверение личности. Смотри! Это мне немцы такой документ выдали. Одни сутки прогостил в гестапо.. Теперь веришь? Так дело мое вот какое: скажи, где ты своих бойцов от немцев прячешь. Их отсюда надо живо уводить в другое место. Началась облава сплошным прочесыванием. Все насквозь начали обыскивать.

Варя (равнодушно вытерла со лба пот тыльной стороной ладони). А мне-то что? Пускай, кого хотят обыскивают.

Точильщик (почти с отчаянием воскликнул). Нет, не верит! Никак не верит! Что мне с тобой делать, экая ты какая неверная... Слушай, что я тебе скажу. Уж этого тебе ни один немец не скажет: наши прошли прорывом на Скоробогатово. Чуешь? Скоробогатово-то ведь пройдя наш город на 24 ки-

лометра. Вот оно где... Немец сидит тут, вцепившись, очухается отступать, ан поздно. Крышка! Труба по всей форме. А?

Варя (совершенно равнодушно, отмахнулась). Что «а»? Ты лучше валяй, уходи отсюда поскорей. В этом дворе посторонним не полагается находиться... Хотя, может быть, раз тебя часовой сюда пропустил, так тебе можно?

Точильщик (в отчаянии хватил себя кулаком по колену). Нипочем с ней не сговоришь! Что я, грудь себе должен разрезать, сердце вынуть и тебе предъявить, чтобы ты убедилась, что я есть честный советский человек и партизан, а не собачий огузок, иуда... Тыфу, ну вот такое сказал, чего и говорить совсем не велено было. Ну на, возьми, вырвала у меня: факт, партизан! Мне начальник с тобой поручил связаться и твоих бойцов вывести в безопасное место.

Варя (преувеличенно равнодушно потянула носом, искоса поглядывая на парня, затем снова принялась торопливо стирать). Интересно, как это ты все-таки через часового прошел?

Точильщик. Тыфу ты. будь ты!.. (Ожесточенно швырнул о землю шапку.) Все

тебе выложи, наизнанку выворотись. Ну, через забор, через забор, поняла?..

Вдруг он быстро вытащил из-за пояса длинный кухонный нож и с визгом пустил в ход свой станок. На крыльце вышел Артамкин и заорал.

Артамкин. Ты чего тут делаешь?

Точильщик (продолжая точить, медленно повернул к Артамкину голову). Еще чего поточить надо?

Артамкин. Кто тебя сюда допустил? Зачем сюда во двор зашел?

Точильщик. Да я почему знаю! Позвал немецкий солдат с нашивками. Говорит: иди, сюда, поточи. Я и точу.

Артамкин (слегка успокаиваясь). Какой такой солдат?

Точильщик. Говорю тебе, с нашивками...

Артамкин. Ну, точи, да живо отсюда выметайся, чтоб я не видел тебя. Новости.. По дворам пошли шляться, как в старое время.. (Потоптавшись на крыльце, что-то пробормотал и вошел в дом.)

Точильщик (продолжая точить со свистом и визгом нож, вдруг покачал головой и рассмеялся). Сломала ты меня, девка, честное слово, сломала... Что же это творится? Девку не уговорил. Позор на мою голову передо всем отрядом. Ну, что

ты на меня смотришь, каменная твоя душа! Что ты косишься, бетонная личность! Тьфу... Нет, главное, ведь мне начальник говорил, он меня спрашивал: «А поверит она тебе?» А я ему отвечаю: «Чтоб мне девка не поверила, не было еще такого случая в моей жизни. Невозможное дело...» (Остановил станок и в изнеможении опустился на ступеньку крыльца, улыбаясь и покачивая головой.) Но я тебе одно скажу, девица: много ты на себя берешь. Чересчур много. Все хочешь сама. Не вытянешь. Смотри...

Варя (вдруг облегченно улыбнулась и быстро подошла к парню). Ладно. Теперь я вижу.

Точильщик (недоверчиво). Что же ты, например, видишь?

Варя. Уж вижу... Если б ты сейчас стал ругаться, я бы тебе ни за что не поверила. А ты смеешься. Нет, ты не предатель.

Точильщик (посмотрел на нее с плохо скрываемым восхищением). Ох, и мудрена ты, девка! Никакими разговорами я тебя не уговорил, выходит, и поверила ты не мне, а только моей смешливой роже. А, может быть, я как раз нарочно эти улыбки напускаю для виду, а внутри я оказы-

ваюсь замаскированный предатель своего народа?

Варя (покачала головой). Нет, из тебя не выйдет предателя. Так, говоришь, облава началась? А как ты их думаешь вывести?

Точильщик. Они ходить сколько-нибудь могут?

Варя. Да, теперь уже могут.

Точильщик. Где они у тебя?

Варя. Вот дом Артамкина. Там вот черное крыльцо, вход на чердак...

Точильщик (быстро). Руками не показывай ничего. Только скажи. Я тут все чердаки знаю... (усмехнувшись, бросил взгляд на завязанную руку)... как свои... три пальца на правой руке.

Варя. Только в воротах стоит часовой, там не пройти.

Точильщик (усмехнулся). А со мной, девушка, часовые немецкие бывают чаще всего вежливые: уступают дорогу. Я же — точильщик, инструмент у меня всегда в порядке, и разговор промеж нас получается тихий-тихий. Разве только башка в железном горшке об пол брякнет... (Двинулся было к сараю, но вдруг задержался и озабоченно спросил.) Постой, а мо-

жет, они, вроде тебя, увидят меня и начнут сомневаться. Их сколько там?

Варя. Двое осталось. Ты вот что скажи: во-первых, Сергей Ивановичем старшего назови, а во-вторых, ты им от меня передай, что я им желаю всего... моим дорогим... Нет, нет... Вот что скажи точно: «Варя желает вам на дорогу всего плохого, проклятые, постылые людишки».

Точильщик. Так и говорить?

Варя. Так точно и говори. Они поймут и будут знать, что от меня. Да гляди ты, осторожно. (Тихонько всхлипнула, мысленно прощаясь со своими бойцами.) Когда ты их хочешь?..

Точильщик. Вот уж не могу сказать. Смотря по обстановке. Лучше всего бы к вечерку, как стемнеет. Прощай! Я про тебя расскажу.

Варя. Прощай!

Точильщик подхватил станок и скрылся за саа-ем. Варя тихонько всхлипнула раза два, продолжает стирать. На крыльце появились Артамкин и
Ульяна.

Артамкин. Ушел шарамыжник? Зачем пустили, дураки? Вот, пожалуйста, среди бела дня приляпали поганую записочку на забор. Коменданту попалась бы на глаза, скандалу не обернуться. Тьфу! (Скомкал и швырнул на пол маленький листочек.)

Погань! Враки разные. Но, между прочим, тут написано верно: в Горелой слободе сегодня пальба, слышно прямо, как на фронте. Дожили...

Ульяна. Что же это означает, если опять стрельба слышна?

Арташкин. Означает, что, во-первых, не орите громко. Во-вторых, ничего особенного, просто на немцев нажимают. Не должно быть никакой паники, потому что за панику полагается расстрел. Все идет по плану начальства. Идите тихонько и без всякой паники, вещи, что получше, быстро собирайте и запаковывайте, а дальше я буду в курсе... Но без паники, чтоб никто не видел.

Ульяна и Арташкин уходят.

Варя (подобрала валяющийся на земле листок, развернула. Это полстранички из ученической тетради. Читает). «Сегодня в Горелой слободе хорошо слышно, как стреляют. Ура! Значит, наши гонят немцев. Проклятые фашисты, вы скоро будите отвечать за свои преступления...» Будите... (Усмехнулась, покачав головой.)

Над забором показалась растрепанная голова белобрысого мальчика. Он тихонько свистнул.

Варя. Сережа? Тебе что?

Сережа. В Горелой слободе такая пальба, полная красота! Все в подвалы позабывались, слушают, как музыку прямо.

Варя. Я уж читала в твоей записочке.

Сережа. В какой записочке? Почему это именно вы думаете в моей?

Варя. А кто у меня на диктанте всегда «будете» через «и» писал? И почерк мне знакомый, с закорючками... «Будете» ведь от слова быть, а не от слова будить.

Сережа. Ну, факт...

Варя. А так записочка очень толковая и кстати.

Сережа. Это не записочка, а листовка. Дайте ее в другом месте приклепну. (Скрылся.)

На крыльце появились и спустились во двор несколько немцев во главе с Гуго Бальцем. Один из солдат молча подошел и стал перерывать белье, приготовленное для стирки. Брезгливо держа двумя пальцами за горлышко бутылку из-под молока, Гуго Бальц поднес ее к носу Вари.

Бальц. Это нашли у тебя под подушкой. И вот это... Почему ты прячешь хлеб вместо того, чтобы есть его? Откуда у тебя молоко?

Варя (тупо посмотрела на Бальца).

Почему? А я еще съесть не поспела. Вот до-стираю и поем.

Солдат, копавшийся в белье, вдруг присвистнул и по-тянул из белья длинный бинт, за ним другой.

Бальц (подошел и ткнул Варю ку-лаком в грудь). Ну, живо, где ты его прячешь?

Варя (с прежним тупым, непони-мающим видом повернулась к нем-цу). Вы про что спрашиваете? Кого я прячу?

Бальц. Того, кого ты кормишь этим хлебом, поишь молоком, перевязываешь этими бинта-ми. Какого-нибудь подстреленного сукина сы-на. Ну?

Варя (суетливо, испуганно вспле-снула руками). Ох, это вы насчет бинтов-то? Вот уж нашли к чему придраться! Вон я их в мусорной яме подобрала, дай, думаю, постираю, хорошие..

У Гуго Бальца нетерпеливо дернулось лицо, и он ко-ротким толчком отбросил Варю так, что она ударилась о стену и со стоном, схватившись за голову, сползла на пол. Медленно открыла глаза, вздохнула, попрежне-му придурковато всхлипнула и с трудом стала под-ниматься на ноги.

(Бормочет.) Чего вы на меня набро-сились? Сами не знаете чего. Если б я вам белье худо стирала, я понимаю. А то выдума-

ли — прячешь да прячешь. А раз я не знаю ничего. Вы спросите чего-нибудь, чего я знаю, я вам скажу.

Бальц. Не смей говорить ничего. Говори только одно: где он у тебя спрятан? Ну? (Ожесточенно замахнулся, так что Варя испуганно отшатнулась, но не ударил.)

Варя (помолчала, собираясь с силами, потом вдруг тихонько засмеялась). Послушайте, ну, честное слово, это прямо смешно, что вы про меня подумали. Разве я когда-нибудь посмею?

Бальц снова молча ее удвоил, и она, отлетев к стене, упала.

Бальц. Ну, где? Идиотка! Где? Это где-нибудь недалеко. Покажи рукой, в какую сторону.

Из подвала вылезли два автоматчика, ходивших на обыск.

Солдат. В подвале — ничего.

Второй солдат. В доме тоже. Остался еще чердак. Туда уже пошли.

Из-за угла выбежал автоматчик и подошел к Бальцу.

Солдат. Осмелюсь доложить: труп фельдфебеля Гейнца Кепке. Обнаружен на лестнице чердака. Оружие при убитом отсутствует.

Бальц. Шесть человек. Подниматься без шума. Быстро на чердак.

На Варю никто не обращает внимания. С громадным усилием поднявшись на ноги, она кое-как добралась до угла. Подняла вверх голову. Подождала минуту.

Тишина.

Варя (звонким голосом изо всех сил крикнула). Стреляйте! Вяткин, Сергей Иванович, стреляйте, голубчики, бейте их, они поднимаются по лестнице. Стреляйте!..

Оставшийся во дворе солдат ударил ее прикладом. Она упала и осталась лежать неподвижно, затем на минуту приподняла голову и хотела еще раз крикнуть, но только хриплый стон вырвался у нее из горла. Шумно ввалились обратно во двор автоматчики, поднимавшиеся на чердак.

Бальц. Там никого нет, но там кто-то был. Вставай, говори, проклятая девка! Куда он ушел?

Варя (оглушенно, еще плохо сообщая). Ушел?

В это время Артамкин суетливо выбежал во двор и в отчаянии закричал.

Артамкин. Опять ворота не заперты. Кто засов отодвинул? Ох... батюшки... то есть, господа... Часовой убитый, ворота настежь, посмотрите, что делается...

Бальц. Он ушел? Он унес что-нибудь с собой?

Варя (встала во весь рост, выпря-

милась, сбросила напускную ту-
пость и прибитость замарахи-
прачки. С несказанным облегче-
нием). Ушел? Болван! Разве ты не видишь?
Тут был не один. Трое их было у меня...
четверо... десять человек и все ушли, ушли.
И каждый унес десять смертей для тебя и
твоих бандитов. Ушли! Ушли! Ушли!..

Варю ударили, и она упала ничком. Донесся отдален-
ный гул выстрелов.

Артамкин (подбежал и взволнован-
но зашептал на ухо Бальцу). Из шта-
ба, срочно к телефону... Большая просьба:
если что-нибудь, грузовичок-трехтонючку луч-
ше уж заранее бы, а?.. (Бежит в дом сле-
дом за Бальцем.)

Выстрелы слышны близко. Во дворе торопливое движе-
ние. Пробегают солдаты, слышны возгласы команды.
Немцы не бегут, но, видимо, поспешно занимают обо-
рону уже на улицах города. На несколько минут
Варя остается одна. Подняла голову, осмотрелась,
приподнялась и поползла к открытой двери сарая.
С усилием перенесла свое тело через порог, поте-
рела платок, но все-таки вползла и скрылась.

Через двор к воротам быстро пробежал Артамкин,
нагруженный вещами. Следом за ним проплелась Уль-
яна тоже с вещами. Тут же они вернулись обратно
за новой партией вещей, которые грузят на машину.
Что вы их слушаете, мамаша? Пускай орут,

чего хотят, а вы, знай, кладите на машину и только... Тьфу, называются немцы, а где порядок? Разве это эвакуация? У нас в тыщу раз больше было порядку при этой самой эвакуации. В тыщу раз...

Ульяна. У кого — у нас?

Арташкин. Ну, у них. Да не приставайте с глупостями! Только бы погрузиться на машину да отъехать.

Ульяна (медленно, с трудом ворочая языком). А к чему все это? Все бежали, мы остались. Теперь все прячутся, а мы бежим. Если б я только знала наперед...

Арташкин. Наперед... Э-э, мамаша, если б я наперед мог знать, кому десятка выскочит, я бы всю жизнь только в очко играл. В том-то и дело, что наперед не узнаешь. Поставили, думали на десятку, а выказывается теперь скорей всего на двойку, да назад не возьмешь... Главное, не зевайте, прямо валите вещи в кузов, а потом и сами садитесь. Нет, сперва конечно, я сяду, а вы сейчас за мной следом.

Оба тащат новую партию вещей к воротам. Долговязый немецкий солдат, задыхаясь, вбежал во двор и лихорадочно огляделся, остановившись у того места, где была оставлена Варя. Он забежал на крыльцо, посмотрел за угол, чертыхнулся и, махнув рукой, побежал к воротам, где уже слышится шум мотора грузовика. Вдруг раздумал, обернулся, еще

раз окинул взглядом двор, заметил варин платок, потерянный у порога.

Солдат шагнул в сарай. Почти тотчас зашумел грузовой за сценой. Выстрел. Пряча в кобуру длинный маузер, солдат выскочил обратно, подхватил и бросил в дверь охапку соломы и побежал к воротам. Послышались крики, подвывание мотора, быстро удаляющееся. Наступила тишина, нарушаемая только непрерывным потрескиванием выстрелов в отдалении.

Медленно вернулась во двор Ульяна. Посмотрела вслед умчавшейся машине. Вяло, с отвращением усмехнулась.

Ульяна. Ох, и сукин же сын! Мать отпихнул. «Куда прете... Местов нехватает»... Ну и пусть!..

Из двери сарая, медленно клубясь, поплыл дым.

Горит?.. Ну и пусть! Ну и пусть! (С опущенными руками медленно побрела на улицу, туда, откуда раздаются выстрелы.)

Над забором показалась голова белобрысого Сережи. Оглядев внимательно двор, он перелез через забор, заглянул в окна школы и остановился перед дверью сарая, из которой валит дым.

Сережа. Там, там! Лежит! (Закрываясь полой куртки, бросился в сарай и через минуту, кашляя, чихая и сбивая с одежды искры, вытащил Варю и положил ее посреди двора на землю. Затем вытащил из мокрого

белья тряпку и стал вытирать Варе лицо.)

Варя невнятно застонала.

(Всхлипнув.) Они вас убили, да?.. Сволочь проклятая, проклятые гады..

Варя (подняла руку, ощупала его лицо, едва коснувшись концами пальцев. Очень слабо). Это ты, Сережка?

Сереза (кусая губы и весь морщась от жалости, отвечает отрывисто, почти грубо). Ну, я же..

Варя. «Будете» не станешь больше через «и» писать в листовке?

Сереза. Да не стану, честное слово.

Варя. Я так рада, что ты спасся. Я боялась за тебя... А дед твой? Касьяныч?

Сереза (радостно). О, дед — молодчина! Он сегодня разведчиков сюда через речку привез. Он ведь у наших две недели на том берегу пробыл. С тех пор как сержанта того твоего переправлял.

Варя. Разве тот сержант жив?

Сереза. Да вот дед объясняет: оказывается, живой. Они с дедом еще как лихо прошли! Даже по дороге тут в городе сержант на прощание гранату вмазал в немецкое заседание одно. Жив! Как же, Христофоров фамилия ему.

Варя. Христофоров?! Жив? За что мне такое счастье?..

Сережа (с горечью). Да какое счастье!.. Они же вас убили.

Варя. Почему так тихо стало?

Сережа. Да что вы, разве это тихо? Пальба кругом...

Варя (в полубреду). Помни, что наступит день...

Сережа. Да что вы, Варя! Варя, опомнитесь, ведь он уже настал, это же наши стреляют, они очень, очень близко. Ну, погодите немножко, как-нибудь подержитесь. Только не закрывайте опять глаза. Потерпите немножко, совсем немножко осталось потерпеть.

Шум на улице вдруг разом оборвался.

(Поднял голову, прислушиваясь.)
Неужели немцы обратно наступают?

Голос с улицы (звонкий, разгоряченный, немного озорной): «Э-эй которы пленные, давай к водокачке, что я вас поштучно, чертей, собирать, что ль, буду?»

Отскочила с треском калитка в воротах и с разгона вбежал незнакомый автоматчик-сержант. У него дочерна испачканное лицо. Он в стальной каске.

Увидев Сережу с Варей, он быстро спросил.

Сержант. Немцы есть? (Порывисто дыша после бега, вытер рукавом

пот и остановился, чтобы отдышаться.)

Сереза (теребит Варю). Варенька, слушайте, откройте на минутку глаза! Вы только поглядите,—наши уже тут. Во дворе. Вот сержант перед вами стоит. Ну, вы посмотрите только!

Варя (вздохнула, вдрогнула и еще раз открыла глаза. Минуту она смотрит, ничего не понимая, на фигуру незнакомого сержанта, стоящего перед ней. Вдруг смутная, сонная улыбка осветила ее лицо, и она невнятным легким голосом заговорила в полусознании). Я знала, что дождусь. Что ты вернешься, Христофоров... Ты не обманул меня. Ты правду сказал: все будет хорошо. Как хорошо, что ты вернулся навсегда. Теперь всем будет хорошо... Что это? Сергей Иванович? Вы все тут мои... (Со вздохом, все еще слабо улыбаясь, уронила голову.)

Сержант. Кто эта девушка?

Сереза. Наша учительница. (Ожесточенно вытер глаза рукавом и прерывисто всхлипнул.) Наша Варя. Что надедали, сволочь проклятая, подошли бы, подошли бы все они!..

Темнота.

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Яркий утренний свет. Та же декорация, но по всему видно, что прошло довольно много времени: пожалуй не одна неделя. Стерты следы пребывания немцев. Деревцо посреди двора успело зазеленеть, наступила весна. В школе раскрыты окна.

Во двор вошли Вяткин и Христофоров.

Вяткин. Цела... Ну, подумайте только, целая школа. Только чуть пообгорела... Кого бы тут расспросить? Вон какая-то старушенция бродит по двору.

Ульяна медленно идет через двор. Подошла к крыльцу, постояла, подобрала кусок веревки, машинально прибрала.

Добрый день, мамаша. Прибираетесь? Налаживаете хозяйство?

Ульяна (жестко). Хозяйство? Нет, какое там хозяйство! Так, по привычке.

Вяткин. Вы сами здешняя? Объясните, пожалуйста, что в этом домике помещается? Уж не школа ли?

Ульяна (поворачиваясь, чтобы уйти). Школа.

Вяткин. А вам не приходилось слышать: тут учительница одна была, молоденькая. Она и при немцах тут оставалась, только, конечно,

не учительницей, а больше прачкой да поло- мойкой.

Ульяна. Есть тут учительница.

Христофоров. А она... да, все равно, я сам. (Быстро вбежал на крыльцо и скрылся за дверью.)

Вяткин (хотел было войти следом за ним, но решил, видимо, подождать). Почему вы, мамаша, невеселые? Горе?

Ульяна (нехотя). Да.

Вяткин. Из близких кого-нибудь пришлось потерять?

Ульяна. Из близких?.. Да, сына у меня убили.

Вяткин (сочувственно). Давно ли?

Ульяна. Как раз в тот день, как немцы из города бежали. Они его из грузовика выбросили на ходу.

Вяткин. Печально, конечно, но все-таки человек погиб в хороший день, в день освобождения родного города. Для вас большое утешение в этом и, конечно, благодарность ото всех людей. Тем более от своих же местных жителей.

Ульяна (пораженно уставилась на Вяткина). Благодарность, говоришь? Мне, говоришь? С ума ты сошел!

Вяткин. Уж поверьте. Он боец был? Нет? Неважно. Важно, как человек жил и за что жизнь отдал.. Скажите, вы, конечно, сильно голодали при немцах?

Ульяна (не глядя в глаза, хрипло проговорила). Голод в городе был большой.

Вяткин. Знаем... Так не обижайтесь. Рады поделиться. Вот... (Торопливо сунул ей в руку несколько кусков сахара и ломоть хлеба, завернутые в газету,—свой паек.)

Ульяна (испуганно). Что это? Не надо... Нельзя этого... (С испугом отдернула руку.)

Вяткин. Бери, бери! Нам хватит. Ведь я же все равно как с родной матерью поделился...

Ульяна растерянно, почти с ужасом повторяя «Не надо», «Не надо», двинулась следом за Вяткиным, но тот идет навстречу Христофорову, отмахиваясь от старухи добродушно, но непреклонно.

Немного погодя Ульяна отошла к сараю, бесцельно постояла около него, зашла за угол и там, где ее никто не видит, с озлобленным старческим рыданием упала на колени и с лицом, искаженным от отчаяния и стыда, простонала.

Ульяна. Лучше бы он меня ударил... лучше бы ударил. будь оно все проклято!..

Вяткин (Христофорову). Ну, что?

Христофоров. Все в порядке. Есть там учительница. Молоденькая, в очках. Это не она.

Вяткин. Я тебя предупреждал от легкомысленных надежд. Лучше всего пойдем к председателю горсовета и будем у него наводить справки.

Христофоров (нерешительно). Знаешь, времени у нас немного. Сходи ты один. А я тебя тут подожду. Поброжу по этим местам. Ладно?

Вяткин (оглядел товарища с сомнением). Пожалуй, оставайся, подожди. Только мне не нравится, что вид у тебя какой-то контуженный.

Христофоров. Представляешь себе, подошел я к двери, а там в классе слышу урок идет. Хочу за ручку взяться, а у меня такое чувство... Ну, например, ты помнишь, что ты чувствовал, когда первый раз взялся рукой и потянул из немецкой мины взрыватель? В самый первый раз?

Вяткин (нахмурился, добросовестно припоминая). У самой первой, говоришь?.. Гм... Нет, почему-то не вспоминается никаких таких особенных чувств... У первой? Помню, что не взорвалась и только.

Христофоров. Ну, спасибо, хоть это запомнил. А взорвалась бы, так, наверное, позабыл бы.

Вяткин. Ну, можешь прохладиться до самого моего прихода. Времени много. Полный час.

Остановившаяся в воротах Ася прислушивается к последним репликам разговора бойцов. При последних словах она улыбнулась, затем стремительно вбежала на крыльцо и скрылась в школе, но через минуту так же стремительно вылетела обратно и почти столкнулась с Христофоровым, присевшим на ступеньки. Вид у Аси несколько сконфуженный. Сразмаху опустившись на ступеньку рядом с Христофоровым, она объяснила,

Ася. Влетела с разгона.. А там идет урок. До чего балда, верно? Знаете, мне никогда не приходилось вытаскивать взрывателей из немецких мин, но я отлично поняла, когда вы говорите про то, как вам страшно за ручку было взяться. Так сердце начинает томиться, томиться.. и такими иголочками разбегается?

Христофоров. Похоже.

Ася. Вы кого-то искали?

Христофоров. Что?.. Да, учительницу одну.

Ася. У меня тут как раз сестра учительницей.

Христофоров. Да, я вашу сестру видел. Только, к сожалению, это не она.

Ася. Не нашли, значит? Что же делать! Теперь, знаете, такое время, что чуть ли не все что-нибудь потеряли и ищут. Мы вот маму потеряли. А у моей сестры жених погиб на фронте. И бывают, знаете, совершенно удивительные случаи, когда все окончательно

уверились, что человек пропал, погиб, умер, его нет на свете, и вдруг, здравствуйте, он является и еще даже потолстел.. Или орден получил.. Или женился.

Христофоров (невольно улыбнулся). Вот это, действительно, здравствуйте! Вдруг жених да и женился.

Ася. Я разве про жениха? Глупости какие! Жених пускай лучше орден получит.

Христофоров (встал и расправил плечи). Ну, пускай получит. А я пойду тут пройду. Пора..

Ася. Посидите, поболтаем. У вас еще полный час, как ваш товарищ сказал. Веселый ваш товарищ, да?

Христофоров. Не из скучных.

Ася. А та, кого вы искали, она вам кто? Жена, сестра, знакомая?

Христофоров. Не знаю, как назвать. Нет, только не жена и не сестра.

Ася. Ну, значит, невеста.

Христофоров. Скорей всего так.

Ася. И вы не можете об ней ничего разузнать? Ужас какой! Вы справки наводили в официальных учреждениях?.. А на картах не гадали?

Христофоров. На картах? Нет, чего не было, того не было.

Ася. А мы с сестрой гадаем, признаться. (Весело, по-детски рассмеялась.) Ну я-то — дурочка, ладно. А она все-таки учительница и вдруг гадает. Смешно, верно?

Христофоров. Она верит в гаданье, значит?

Ася. Верит. Только наполовину. Когда по картам выходит, что он жив и скоро вернется, она кричит: «Вот видишь, а ты еще картам не верила», а когда получается, что он погиб, она зашвырнет карты под кровать и говорит, что гаданье — невежественный предрассудок.

Христофоров. Такое гаданье мне по душе.

Ася (неожиданно). А она вас любит?

Христофоров. Если придется еще в жизни с ней увидеться, вероятно, тут же и узнаю.

Ася. А как вы думаете узнать?

Христофоров. Ну, как? Погляжу на нее...

Ася. Что ж вы раньше — глядели, а не разглядели?

Христофоров. Это верно. Пожалуй, чем больше глядишь, тем больше на тебя сомнения находит. Но, однако, мне кажется, что теперь с ее первых слов я бы все понял.

Ася (с сомнением). Ох, вы что-то не очень-то опытный, по-моему. Наверное, воображаете, если ваша невеста вас увидит и воскликнет: «Дорогой мой, как я рада, что тебя

вижу!»), так это и значит, что она вас очень любит?

Христофоров. А как же? По-моему, значит. А по-вашему как?

Ася. Правильно, конечно, любит. Именно так и говорят, когда просто любят или даже очень любят... Так ласково... симпатично... (Вдруг показала, как именно так любят «ласково, симпатично». Показала без всякого кривлянья, но с такой беспощадной иронией, что Христофоров невольно рассмеялся. Ася серьезно, горячо продолжает.) А вот, если любят по-настоящему, на-смерть, отчаянно, как умеют только самые хорошие, верные люди любить, вроде моей дуручки, тогда так не говорят.

Христофоров. Кто это «ваша дуручка»? Сестра? А что она, по-вашему, сказала бы?

Ася. Если бы чудом явился ее жених?.. Я думаю, она сказала бы так... (Задумалась, сосредоточенно хмурясь.) Нет, нет она, знаете, что ему сказала бы, если бы он вдруг вошел в класс?.. «У нас сейчас урок». А сама бросилась бы, куда-нибудь спряталась бы, да ка-ак заревела бы...

Христофоров. Да, это я понимаю. В общем счастливый парень, кого так встретят.

Ася. Да, если бы он был жив. А его, наверное, нет в живых.

Христофоров. А вы его знали? Какой он?

Ася. Ну как же, отлично представляю себе. Он такой: немножко повыше вас ростом, лицо у него немного по...

Христофоров. Покрасивей, что ли?

Ася. Нет, для мужчины красота неважна. Просто у него такой подбородок, выдающийся вперед, и... такая суровая складка на лбу.. Ничего, у вас тоже есть, только поменьше. И такой серьезный взгляд..:

Христофоров. Здорово вы описываете! Кстати, сколько вам лет?

Ася. Будет шестнадцать.

Христофоров. Безусловно будет. Вопрос только — когда?

Ася (рассмеялась). По правде? Через полтора года. Вы, оказывается, довольно проныцательный. Знаете, раз уж мы с вами так подружились, я вам открою секрет. Я загадала так: пускай я останусь на всю жизнь старой девой, только чтобы моей сестренки жених отыскался живой. Я это серьезно загадала и каждую ночь перед сном повторяю про себя. А если человек чего-нибудь очень хочет, он обязательно добьется. Это не суеверие, а сила воли. Конечно, сестре я про это

ничего не говорю. Пускай даже не догадывается, чем я для нее пожертвовала. Правильно?

Христофоров. Правильно. Здорово хорошо иметь такую сестренку!

Ася (беспристрастно). Вообще-то я ничего, но по сравнению с ней я просто балда и болтушка. Для меня она сейчас все на свете: и сестра и подруга. А как мама умерла, она мне стала и как мать тоже.

Христофоров. Она и похожа на мать: видно, такая добрая, солидная. Я ее вижу в классе.

Ася (с изумлением). Со-лидная? Ну, знаете, вы и чудак, однако, я вам скажу!

Из раскрытых окон школы доносится пение детских голосов, звук рояля. Это что-то очень похожее на варину колыбельную песенку, которую она когда-то пела Санникову. Христофоров прислушался со смутным волнением.

Христофоров. Откуда такая музыка?

Ася. Да это как раз сестра занимается с ребятами. Что ж вы удивляетесь? Ей уж предлагали в хорошую школу поехать, а она ни за что! Собрала кое-каких ребят, и вот ей надо обязательно на том же самом месте, где и прежде, чтоб опять была школа. Она упрямая просто ужасно, эта Варька...

Христофоров (крикнул). Кто?

Ася. Сестра,

Христофоров (в волнении). Да откуда ваша сестра эту песню знает? Какая сестра, что вы меня запутали совсем? Стойте! Почему вы назвали ее Варькой?

Ася. Ну, просто потому, что это ее имя.

Христофоров. Вашей сестры? Ее тоже Варей зовут?

Ася. Нет, не тоже. Ее просто зовут Варей.

Христофоров. Слушайте, легкомысленная девушка, успокойтесь, отвечайте на мои вопросы точно и ясно. Я видел вашу сестру. Она—учительница?

Ася. Да.

Христофоров. Ее зовут Варвара?

Ася. Да.

Христофоров. Она кругленькая, в роговых очках, беленькая?

Ася. Где это вы такую нашли? Сами вы в очках!

Христофоров. Как где? Она сидела в классе и занималась с мальчиками.

Ася. Поздравляю! Это Софья Андреевна. Она тоже учительница. Их двое сейчас в школе. Она и Варя.

Христофоров (молчит, потом тихо). Вас зовут Ася?

Ася. Да. Разве я вам говорила?

Христофоров. Слушайте, милая девочка Ася! Не спрашивайте ничего. Войдите туда,

подойдите к своей сестре и скажите, что се на одну минутку по очень срочному делу хочет видеть ее знакомый. Двое знакомых... Быстро!

Ася. Знакомый?.. Хорошо, я войду. Но она меня выгонит, потому что урок. (Ушла.)

Замерев в напряженной позе, Христофоров стоит у крыльца, не отрывая взгляда от двери, где должна появиться Варя.

На крыльцо вышла Ася, за ней Варя. Она остановилась, глядя на бойца с автоматом, в стальной каске, сдвинутой несколько на лоб, прикрывающей лицо.

Варя (со смутным волнением). Вам что, товарищ?

Христофоров (неожиданно для себя повторил те самые слова, с которыми он когда-то обратился к Варе). Где у вас тут окно на площадь?

Варя (вздрагнула, шагнула вперед и вдруг от волнения стала сильно заикаться). Тут с-сейчас у нас урок... походите... я сейчас... (Оглянулась, как бы ища, куда спрятаться, и вдруг, повернувшись, скрылась за дверью, на ходу прикрывая лицо платком, которым повязана у нее шея.)

Ася (ахнула и всплеснула руками, все разом поняв. Бурей слетев с

крыльца, она схватила за руку входящего во двор Вяткина). Вы — Шульга Сергей Иванович или, скорее всего, Вяткин?

Вяткин. Я, скорее всего, Вяткин.

Ася. Очень рада, а я — варина сестра. Она — тут и боится выйти еще потому, что у нее некрасивая губа из-за шрама. Надо пойти и привести ее скорее сюда.

Вяткин. Да что вы говорите? Где она, дайте скорей!

На крыльце снова появилась Варя. Медленно она спустилась по ступенькам, подошла к Христофорову и не то что обняла, а вцепилась обеими руками в складки шинели у него на груди, как будто боясь выпустить его хоть на минуту. Так она стоит, смеясь и плача.

Христофоров. Не говори! Мне все твоя сестренка про тебя рассказала и объяснила: и про гаданье и про все...

В тот же момент Варя увидела Вяткина. Подбежав, обняла и поцеловала его в обе щеки.

Варя. Родной мой, Вяточкин, как я рада!.. Вот мы все-таки вместе.. А помните на этом проклятом чердаке?

Вяткин. Отличный, первоклассный чердак. А никак не проклятый.

Варя (быстро оглядела Христофорова). Совсем здоров?.. Теперь на фронт?

Знаю! Только скажи скорей, сколько у нас есть еще времени?

Христофоров (бросил взгляд на часы). Сейчас десять минут. И еще сорок лет впереди.

Варя (попрежнему смеясь и почти плача). А нельзя так: чтоб сейчас 20 минут, а потом пускай только 30 лет?

Христофоров. Нельзя, дорогая!.. Невыгодно очень.

Варя. Значит, только десять минут?.. Хорошо. Это тоже очень много. Да, я счастлива, что у нас еще так много времени. Я всегда знала, что так будет. Главное, ты живой, живой!..

Вяткин (смеясь). А как же иначе? Небось, нас не перебьешь. Нас много. Ну, представляете себе, родная Варенька, сколько, положим, одних таких вот, как он, сержантов на свете?

Варя (медленно подняла и повернула к Христофорову свое счастливое, вздрагивающее от волнения, улыбающеесяся лицо). Конечно, представляю. Один!